

Артефакт & Детектив

Ольга Тарасевич

Роковой роман Достоевского

«ЭКСМО»

2008

Тарасевич О. И.

Роковой роман Достоевского / О. И. Тарасевич — «Эксмо»,
2008 — (Артефакт & Детектив)

В Санкт-Петербурге, на презентации нового детектива писательницы Лики Вронской, погибает журналист Артур Крылов. Этот случай – лишь звено в кровавой цепи убийств. Умирают люди, интересующиеся рукописью неизвестного романа Федора Достоевского «Атеизм». Проведенное Вронской расследование позволяет выяснить, что в распоряжении убийцы находится яд, который невозможно обнаружить стандартным судебно-химическим исследованием. Поэтому вскрытие ничего не покажет. Судмедэксперт Андрей Соколов не сомневается: предотвратить обнародование романа пытаются спецслужбы, а это значит, что Лика в опасности. Но уже слишком поздно что-то менять. Преступник не задается вопросом, кто он, тварь дрожащая или право имеет. Он действует...

© Тарасевич О. И., 2008

© Эксмо, 2008

Содержание

Пролог	5
Глава 1	9
Глава 2	25
Глава 3	40
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Ольга Тарасевич

Роковой роман Достоевского

Марианне и Игорю, моим дорогим друзьям, с любовью и огромной благодарностью.

Все события вымышлены, все совпадения случайны и непреднамеренны.

Человек есть тайна. Ее надо разгадать, и ежели будешь разгадывать ее всю жизнь, то не говори, что потерял время; я занимаюсь этой тайной, ибо хочу быть человеком.

Федор Достоевский

Пролог

Дверь на третьем этаже оглушительно хлопнула. И полумрак высокой крутой лестницы с темными перилами гулко охнул, принимая в себя раскатистое эхо.

Сергей Иванович Свечников втянул голову в плечи, надвинул на глаза шляпу, машинально отгораживаясь от чужих шагов. Они выбивали дробь где-то совсем рядом, приближались, надвигались, еще ближе, еще... Потом прокатилась волна таких же чужих запахов. Дорогого одеколона, хорошего кожаного пальто, успеха.

Не смотреть. Затаиться во вдохе, судорожном, до вжатого живота. Раствориться пылью на каменных ступенях. Ни на секунду ни словом, ни жестом не обозначать себя перед этой новой жизнью и ее представителями. Слишком утомительно снова и снова объяснять: да, можно, действительно можно любить коммунальную квартиру. Отдельная кухня и, пардон, сортир никогда не заменят легких автографов ветра на канале Грибоедова. И разудалой разношерстно-неописуемой Сенной площади. Пусть почти не похожей на старинные литографии – но все равно упрямо хранящей в своем изменившемся облике ту самую Сенную, с рынком, торгом, лошадиным ржанием. И – отсюда два шага до Столярного переулка. А в нем – бывший доходный дом, дом-призрак, дом-убийца, измучивший, вслед за самим Достоевским, Родиона Раскольникова.

Хозяева новой жизни не понимают, какое это счастье – видеть историю, каждый день ходить по переулкам великих романов, вдыхать мучительно сырой, но *тот самый* воздух. Назойливым коммерсантам нужен офис в центре. Но они его не получают. Во всяком случае, пока. Жилыцы только одной из пяти комнат старой коммуналки согласны на расселение. Значит, еще можно не опасаться очутиться в квартире, окна которой выходят на автомобильную трассу или коробочки стандартных многоэтажек. Но все равно, эти вечные визиты раздражают – силой, напором. А еще тревожными опасениями.

Сергей Иванович дождался, пока чужие шаги покинут подъезд. И лишь тогда достал ключ, не без труда провернувшийся в замочной скважине.

Прихожей, полутемной, всегда преданно сжимающей в стенах запахи, явно не терпелось поделиться подробностями.

Никогда за все свои пятьдесят три года не куривший Свечников быстро понял, что именно произошло.

Внезапный, как вскрик, валокордин. Значит, Марина Анатольевна, почтенная дама с седыми, забранными в высокую прическу волосами не на шутку разволновалась после очередного предложения расселить коммуналку. Отселяться, конечно, соседка не намерена. Пока

хватит сил – будет сопротивляться. Однако они тают, силы. Валокордин не помогает. Как и любая привычка. Но это привычка...

Вишневый аромат трубочного табака едва уловим. Значит, сосед-театрал очередного акта коммунальной трагедии не застал. И девчушки-студентки, чьи духи пахнут медом и жженым леденцом, тоже еще нет дома. Итак, главные роли сыграли Марина Анатольевна и – Свечников безразлично повел носом. Увы, так и есть: водка, определенно снова водка... – Борис.

Борис, наверное, опять по-пролетарски кричал:

– Даешь расселяться! Каждому по отдельной хате – чем плохо?!

А Марина Анатольевна, кутаясь в белую шаль, нервно постукивала пальцами по деревянной крышке бог весть с каких времен оказавшегося в прихожей сундука. Постукивала и говорила:

– Это наш дом. Наша квартира. Они безмерно, безгранично дороги нам. И ничего другого не нужно. Благодарствуем за предложение, но лишнее это все.

Новорусские хозяева жизни, наверное, громко настаивали на своем. Они всегда все делают именно так – громко, быстро, жадно...

Сергей Иванович повесил на вешалку серое, старенькое, но идеально вычищенное пальто и тяжело вздохнул.

«Не надо предаваться панике, – думал он, расшнуровывая ботинки. – Даже наши дамы противостоят попыткам отобрать жилье куда более решительно. Я же трушу, трушу позорно и отчаянно. Так получилось, что я не заметил, как вот это, громкое, хозяйское, появилось, укрепилось, заполонило все вокруг. И оно меня, как ни печально, пугает. Всесокрушающая сила и жалкая мошка. Исход битвы очевиден, рано или поздно, это лишь вопрос времени. Нет, не думать об этом, не думать...»

В комнате нервная растерянность стала понемногу отступать. Сиреневые сумерки, смешиваясь с красно-синими всполохами вывески кафе, слегка подретушировали старость обстановки. И потертых коричневых кресел, и облупившегося комода, и заставленной пыльными книгами полки во всю стену. Легкий щелчок выключателя – и лампа под зеленым абажуром, нависающая над письменным столом, скрупулезно обнажит всю эту бедность. Но света Сергей Иванович зажигать не стал. Свет – и из окна соседнего дома происходящее в комнате будет просматриваться как на ладони. Что увидит *она*? Седые волосы, расщепленное морщинами лицо с рыжеватой бородкой, серый костюм, нескладно сидящий на долговязой фигуре. Право же, не самое лучшее зрелище для кротких небесно-голубых глаз.

Сергей Иванович присел на подоконник, и сердце сразу же заколотилось, как сумасшедшее. *Она*, забравшись с ногами на диван, укутанная в клетчатый плед, читала книгу. Тень от длинных ресниц на нежной щеке. Прикушенная губка, палец наматывает светлую прядь, освобождается от локона и снова свивает спираль. Совсем молоденькая барышня, *ей* лет двадцать, не больше.

«Как же все-таки *ее* зовут? – подумал Сергей Иванович, поудобнее устраиваясь на подоконнике. – Ирочка? Надежда? Или – она звалась Татьяной? Впрочем, не важно. Для меня *она* – Варенька. И, как Макар Девушкин, я пишу ей письма – правда, мысленные. *Она* никогда ни о чем не узнает. Логично. Ничего ведь не изменилось со времен Федора Михайловича. Бедные люди не могут позволить себе любви. Разве только робкую нежность, тихую преданность. О чем же сегодня вечером поведать Вареньке? Про аспиранта, написавшего так бездарно про творчество Достоевского, как будто бы Достоевский был Толстым? Нет, это малоинтересно. К тому же я уже говорил Вареньке, что редко когда те, кто любит Достоевского, любят и Толстого. Что, конечно, ничуть не умаляет вклада Льва Николаевича в русскую литературу. Про дела наши институтские – это тоже скучно. Расскажу про книгу новомодного детективного писателя, помянувшего Федора Михайловича. Откуда столько грязи взялось у бесстыдника?...»

Сергей Иванович слабо улыбнулся, предвкушая неспешную беседу со своими длинными рассуждениями и придуманными – ну и что, вымышленными, пусть, пусть – *ее* репликами. Но в тот же миг напряженно замер.

Звонок в дверь! И именно в его комнату. Не иначе как Борис наказал новорусским хозяевам жизни зайти попозже и кричать, и требовать, и угрожать.

Тяжело вздохнув, Свечников задернул шторы, включил свет и потащился в прихожую. Прильнул к глазку и с облегчением шелкнул замком. Дама в элегантной шляпке ну никак не походила на очередного желающего превратить квартиру в офис.

– Сергей Иванович? Добрый вечер. Я пришла к вам по рекомендации профессора Сорокина. Он уверил меня, что вы лучший специалист по рукописям Достоевского, – низким голосом произнесла женщина.

И Свечников, уже успевший про себя отметить, что у пожилой дамы невероятно свежий цвет лица, вспыхнул от удовольствия.

– Право же, вы мне льстите. Пожалуйста, проходите в мою скромную обитель. Так вы знакомы с профессором Сорокиным? Давайте пальто ваше.

– Не стоит. Зябко так на улице.

Она простужена, понял Свечников, наблюдая за дамой, присаживающейся в кресло. Точно простужена – полная, широкая в кости, но съезжилась. В груди явственно клокочет сдерживаемый кашель. Петербургский климат – то еще испытание для здоровья.

– Согреть вам чаю?

Закашлявшись, женщина кивнула, и Свечников заторопился на кухню.

Конфорки на плите покрывал темный засохший налет.

«Опять Борис бедокурит. Ведь сколько раз ему говорил, если пользуешься моей частью плиты – убирай за собой. Пролетарий, – сокрушался Сергей Иванович, – истинно пролетарий».

С закипевшим чайником Свечников вернулся к себе, заварил крепкий чай, достал из буфета синие праздничные чашки тонкого фарфора. И расположился в кресле напротив дамы.

– Рассказывайте. Заинтригован безмерно.

Гостья зябко повела плечами.

– Вы не могли бы прикрыть форточку?

Он на секунду заколебался, представив, как *она* оторвет свои ясные глазки от книги – а в доме напротив вдруг покажется старый долговязый тип. И свет выключить никак нельзя. Иначе придется пуститься в объяснения, то есть даже выдумывать что-то, потому что правду не скажешь, неловко перед гостьей.

Сергей Иванович быстро метнулся к окну, прикрыл форточку.

– Кажется, вы простужены?

– Да, наверное. Я стала сама не своя, когда узнала. Профессор Сорокин уверяет, что только вы можете помочь. Видите ли... Не знаю, как и сказать...

– Да вы не смущайтесь, со мной можно просто, без церемоний, – отхлебнув чаю, сказал Свечников. – Я уже сгораю от любопытства.

– Только вы не подумайте, что я сумасшедшая. В это невозможно поверить. – Голос гостьи задрожал. – В это невозможно поверить, но в моем единоличном распоряжении оказалась... рукопись... романа «Атеизм».

Сергей Иванович весь подался вперед. И тотчас откинулся на спинку, сдавленно прошептал:

– Не может быть!

Гостья закивала:

– Знаю, знаю. Выясняла. Но – все сходится. Его почерк. Множество правок. Рисунки в самом тексте.

– Роман «Атеизм», – Свечников глотнул чаю и разочарованно вздохнул, – так и не был написан. Его замысел Федор Михайлович не смог реализовать. Хотя некоторые идеи вошли позднее в его гениальные произведения «Бесы» и...

Он хотел назвать еще роман «Братья Карамазовы».

И не смог.

Черная стремительно обрушившаяся ночь вдруг разом выключила все: мысли, чувства, зрение...

Глава 1

Соня. Соня, Сонечка. Простите меня, голубые кроткие глаза, светящиеся любовью и страданием.

Пепельные волосы девушки кажутся еще светлее от черного платья, искусно заштопанного на локтях. Штопка почти не видна. Но она есть, и от этого темная тяжелая страсть покидает меня, в горле застревает комок.

Худенькие руки, торчащие ключицы. Ты ангел, заключенный в клетку доходного дома. Тебе бы парить, как белой голубке, в небесной безоблачной синеве. Но в эту комнатку, бедную, холодную, с узкой девичьей постелькой, приходят господа, известно какие. Бедность. Все от нее голубки становятся падшими ангелами. И я тоже, вот ведь позор – жаркий, отчаянный, пришел к тебе с такими же намерениями: познать, прикоснуться, купить. Пришел и как обжегся кротким взглядом. Захотелось сей же час упасть на колени, умоляя простить мои намерения, господ, нищету.

Я понимаю, перед собой, конечно, за нищету не стыдно. Но когда другие видят, что ты чаю не пьешь, потому что нет ни чаю, ни сахара, ни денег ни копейки совсем нет, – вот тогда, убийца с револьвером, высказывает стыд и палит, палит.

А если еще и семья, родня, детки малолетние? Если знаешь, что кушать им нечего, надеть решительно ничего не имеется? Тогда на все пойдешь, с радостью.

– Федор Михайлович, поднимитесь, Христом Богом молю, не вы должны передо мной на коленях стоять, – умоляла Соня в ту нашу первую встречу. – Это я должна благодарить вас. Нет, не приму ваших денег, вам ведь самому нужно, я вижу.

– Что вы, Соня, я не нуждаюсь. Помощь вам нисколько меня не обременит. Мне из имения высылают.

Да, я лукавил тогда. Из имения уже давно не высылали, так как мной было принято решение отказаться от всех прав. Занятия переводами значительного дохода тоже не приносили. За квартиру, нанятую в доме коллежского советника Прянишникова, что находилась на углу Владимирского проспекта и Графского переулочка, часто платил Дмитрий Григорович.

– Ах, какой человек Григорович, широчайшей души человек, – пробормотал я и, поднявшись с колен, перешел к окну. На кровать присесть мне представлялось решительно невозможным. А единственный стул в крохотной комнатке занимал таз для умывания. – Мы с Григоровичем в Инженерном училище вместе учились. Не нравилось мне там: мундир, муштра, занятия по фортификации. Но – воля батюшки, отец строг был, с ним не поспоришь. Учился – и мучился постоянно. По ночам брал томик Шиллера и уходил в «камору». Знаете, это была такая стылая угловая комната в кондукторской роте. Надо мной смеялись тогда. А уж после того, как назначили меня ординарцем к великому князю Михаилу Павловичу, брату императора Николая Павловича, и я назвал его императорское высочество «ваше превосходительство», словно обычного генерала, шутники и вовсе в выражениях перестали стесняться. Дмитрий пытался их осадить...

Я еще хотел рассказать, как темнели глаза Григоровича, на бледном аристократичном лице вспыхивал негодующий румянец. Родственная душа, что и говорить. У нас была общая ненависть к инженерным и военным наукам. И общая, задыхающаяся любовь к гению Пушкина.

А потом закончилось мое обучение, и началась служба, приказ был подписан о производстве из кондукторов в полевые инженеры-прапорщики. В службу ходить тяжело, так и считаешь время до вечера, а там театр или просто прогулка. Но решение о выходе в отставку принималось нелегко. Как жить, на какие средства? А если не выйдет с романами, тогда что,

прямым в Неву? Но Дмитрий поддерживал, убеждал, что надо решительнейшим образом посвятить себя литературе, что время пришло, а там и успех будет...

Но я не вымолвил больше ни слова. Глаза Сони наполнились слезами, и о причине этого даже думать не хотелось. Ведь именно Григорович привел меня в эту комнату. Писать про жизнь, не зная жизни, невозможно, он говорил. Неловкость и страх сменяются блаженством. Все ведь ходят к определенным занятиям женщинам – и что здесь такого? Не низко, не подло. А вот, пожалуйста-с, в Сониных глазах – слезы...

Девушка, почувствовав мое отчаяние, должно быть подумала то, чего у меня и в мыслях не имелось уже после того, как увидел я всю ее покорную бедную кротость. И, извлекая из рукава платья белоснежнейший, но ветхий платочек, пробормотала:

– Простите, простите великодушно. В лицо ваше заглянула – и как в церковь на службу сходила. Чистый вы, Федор Михайлович, понимаю, что чистый. И доброты в вас много. Только не стою я той доброты вашей.

Не надо вам ко мне приходить. Знаю, хотите, и станете, и помогать будете. А не надо, потому что недостойная, погибшая, и «желтый билет» имеется. А если хотите ходить, тогда надобно... Я доброты не видела, не знала! Простите меня, я как сама не своя стала!

Она, вскрикивая, то предлагала мне себя с такой иступленной болью, то горячо умоляла о прощении, и в этот миг я отчетливо понял, что могу рассказать такое, о чем ни единая живая душа не знает. Ей – можно, поймет Сонечка, все поймет именно так, как следует понимать. Путь к *со-страданию* к другому лежит через собственные мучительнейшие страдания, но так, и только так рождается способность к любви, и доброта, и милосердие. Соня – поймет, так как сама страдала и страдает, мучается.

И я заговорил.

Рассказал про дочь кучера, с которой играл в детстве. В памяти не удержалось ее имя. Запомнилась только хрупкая тонкая фигурка, светлые пряди волос, выбивающиеся из-под платка. Да ее голос: «Посмотри, какой цветочек. Хороший цветочек, добрый цветочек». Она сама была как нежный диковинный цветок. Который сорвали, истоптали, уничтожили... Хрупкая фигурка распластана на земле. Задран подол платья, ножки, тоненькие, в кровавых потеках. От отчаяния и тумана слез я почти ничего не осознаю. Потом вздрагиваю. Кто-то коснулся плеча, заговорил: «Федя, за отцом беги, живо!» Он, испуганный, торопится, на ходу спрашивает, что случилось. Лежит-кровь-платье-папенька, помоги ей, пожалуйста, она ведь такая хорошая. Отец, мрачней: «Не ходи со мной, Федор». Перешептывания прислуги вечером, нянюшек, горничных. И от этого становится понятно: папенька, хоть и доктор, не помог, случилось что-то страшное, грязное. Непоправимое.¹

А еще рассказал Соне про маменьку. Матушке всегда нездоровится. Свободное платье не скрывает тугого живота. Братики, сестрички. Никогда не пустует люлька в полутемной детской. Только папенька не рад. «От кого понесла?» – часто раздается из спальни родителей. И маменькины рыдания, едва слышные, но какой тут уже сон... Матушка тоже кричит на отца. И почему-то исчезла из дома гувернантка Вера, и еще одна служанка, совсем молоденькая... Мама моя умирала долго. Ей остригли косу – не осталось сил расчесывать темные густые волосы. Она задыхалась, бредила, и на платке после разрывающего грудь кашля оставались красные пятна. Только в гробу маменькино лицо, покинутое болью, стало спокойным и умиротворенным. Ей едва минуло тридцать шесть лет.

Я – в Петербурге, брат Михаил – в Ревеле. Прочие братья и сестры еще слишком малы, чтобы понять, что же произошло тогда в поле, на границе наших деревень, Дарового и Чер-

¹ Этот эпизод оказал значительное влияние на Достоевского. Часто среди друзей он рассуждал о том, что насилие над ребенком – самый тяжкий грех. Из романа «Бесы» по настоянию издателя при жизни писателя была изъята исповедь Ставрогина Тихону, где герой признается в изнасиловании малолетней девочки. Уже при жизни Достоевского заговорили о том, что этот эпизод автобиографичен. Однако серьезных документальных подтверждений этому не имеется.

мошни. Рассказывали всякое. Что, не выдержав сурового папенькиного нрава, взбунтовались крестьяне, засекали барина плетьюми. Что распутничал отец, и была какая-то женщина, а у нее ребенок от папеньки. Не хочется верить, что это правда. К тому же и доктор на похоронах вроде говорил, что удар случился апоплексический. Но ежели все-таки приключилось, все же свершилось? Мало того что в восемнадцать лет остался круглым сиротой. Так еще и отравы сомнений, терзаний. Грязь, мерзость даже глубиннейшая, али злые языки наговаривают? Не понятно. Понятно только... что многие беды, пожалуй, через порок приходят-с. Порок манит, завлекает. Пронесется ветер по проспекту, задует в платье дамы. И мелькнет на секунду ножка, и сердце взбесится, и противно так от этого, что мочи нет. Но забыть, не думать – тоже отчего-то совершенно невозможно.

– Не корите себя, Федор Михайлович, голубчик, – простонала Соня, в отчаянии заламывая руки. – Я молиться за вас стану. Вы как брат мне открылись. Господь – он все видит, и воздаст, что просите, и простит. Сейчас, сейчас!

Она метнулась к этажерке, взяла небольшой томик.

– Евангелие. Примите, пожалуйста.

Маленькая ручка взметнулась вверх, осенила крестом...

А вечером Дмитрий поинтересовался:

– Сговорился с Соней?

Я молча кивнул и улыбнулся. Сестра. У меня есть сестра – верная и понимающая. Вытащить бы ее из пропасти. Но как сделать это, когда сам находишься почти на дне?..

«Только не сейчас», – с тоской думал я, пробираясь через галдящую толпу. Поднос торговца сдобой больно ударил по руке, от запаха свежих булок тошнота сделалась еще сильнее, и я в отчаянии зашептал:

– Не сейчас. Успеть бы к Соне, рассказать ей о самой восхитительной минуте моей жизни.

Приближение приступа меж тем ощущалось все отчетливее. Кружилась голова, во рту явственно чувствовался горьковатый привкус. Мелькающие лица, кареты, даже унылые серые дома преображались; то увеличивались до громаднейших размеров, то превращались в крошечные голубые и зеленые точки. Еще немного – и небо окрасится малиново-морозным цветом, и фантастический мрачный Петербург исчезнет в молочных облаках. А когда они рассеются, десятки белых ангелов и черных бесенят сойдутся в жестокой борьбе, и засверкают молнии, ежесекундно превращающиеся в пестрые ленты радуги...

Надобно отметить, что картины, предшествующие припадку, являются очень разными, но всегда – яркими, восхитительными. Душа до краев наполняется чем-то важным и главным. Ради этого можно, без сомнений, стерпеть и черный колодец беспамятства, и синяки, и два-три дня слабости, сквернейшего настроения, неимоверной щемящей тревоги.

– Не сейчас, – как заклинание твердил я, высматривая в тумане начинающегося бреда изъеденную ржавчиной ручку на двери Сониного дома. – Что она увидит? Судороги, пену изо рта. Падучая ее испугает. Только бы не сейчас!

Сидящая во мне болезнь вдруг притихла, туман рассеялся, безжалостно проявляя весь смрад доходного дома. Заливается слезами в коридоре чумазый малыш, и вот уже простоволосая баба с болезненно румяными щеками, оторвавшись от таза с бельем, охаживает его мокрой тряпкой. И чадит не желающий разгораться самовар, а повеселевший в трактире мещанин затягивает песню.

– Соня, свершилось! – Я отворил наконец нужную дверь. – Свершилось! То была восхитительнейшая минута моей жизни.

Бледное личико тотчас же засветилось радостью.

– Слава Господу!

Устроившись у окна, я приступил к рассказу.

Работа над романом «Бедные люди» наконец кончена. Позавчера, нервничая невероятно и то и дело покручивая усы, я вручил рукопись Григоровичу. Тот пошел к Некрасову, и они решились прочитать листов десять романа – так сказать, на пробу-с. А потом собрались прочитать еще десять, и еще...

– От волнений и переживаний я до четырех часов прохаживался по улицам. А вернувшись к себе, неожиданнейшим образом задремал. Просыпаюсь, в моей комнате – они. Говорят: «Чего это вы, сударь, спать изволите-с, когда такой дивный роман вами написан?» И ну меня хвалить, ну поздравлять. – От избытка вновь переполнившей меня радости я задохнулся, закашлялся. А отдышавшись, продолжил: – Утром повели меня к Белинскому. И, Сонечка, представить вы даже не сможете, и мне тоже в самых дерзновенных мечтаниях не представлялось, как высоко оценил он мой труд. Сказал даже, что дальше Гоголя я пошел. И сразу понятно стало, что...

– Что? Что вам открылось, Федор Михайлович?

Перед глазами вдруг взвились, закружились миллионы ярких огней-светляков. Сонино взволнованное лицо с полуоткрытым от любопытства ротиком почти исчезло в тумане.

– Я понял, что могу писать, и все мне по силам, и во мне великая сила, которой, пожалуй что, и равных не найдется, – задыхаясь, проговорил я. Пора было срочно рассказать про падучую. – Сонечка, со мной сейчас болезнь приключится, только вы, ради Бога, не извольте пугаться.

Я успел сам добраться до узкой Сониной постели. Как опускался на кровать – уже не помнил. Словно исчез, наполнился черной тихой ночью, стал ею...

* * *

– Где-то я вас видела! – заметила симпатичная брюнетка, чуть покачиваясь в такт движущегося поезда.

Она явно намеревалась сказать что-то еще, но приветливая улыбка на губах молодой женщины вдруг погасла. Сидящий на ее коленях детеныш максимум полутора лет от роду, осознав, что у него не получится подергать маму за смоляные локоны, залился слезами.

– Капризный какой, – затараторила Лика Вронская. – И часто он у вас так вредничает? Да, говорят, с мальчишками сложнее прямо с пеленок. Девочки – они поспокойнее.

Молодая мама пустилась в объяснения, а Лика, вежливо кивая, с тоской подумала о том, что идею отправиться в Питер поездом вряд ли можно назвать удачной. Конечно, самолетом путешествовать удобнее, быстрее, комфортнее. Но когда ее бренд-менеджер Ирина, организовавшая презентацию нового романа в Петербурге, скорее для проформы поинтересовалась, как Лика предпочитает добираться, глаза предостерегающе заслезились. И пришлось объяснить, что вот она, расплата за бурное журналистское прошлое, за жизнь в аэропортах. Теперь, когда самолет заходит на посадку, возникает впечатление, что гляделки словно из орбит вываливаются. Можно было бы перетерпеть боль. Но лопнувшие сосуды... Глаза писательницы налились кровью... Может, не стоит пугать читателей и провоцировать журналистов на хлесткие заголовки? Выслушав этот спич, Ирина рассмеялась и заказала билет на поезд.

«Гляделки из орбит у меня не выскочат – это плюс, – подумала Лика, невольно морщась от рева голосистого малыша. – Но вот отдохнуть и собраться с мыслями с такими соседями по купе явно не получится. И, как оказалось, ехать в поезде довольно противно. Этот стук колес, остановки постоянные».

– И все-таки где-то я вас видела, – повторила женщина, вглядываясь в Ликино лицо. – Знакомые черты. Может, вы на телевидении программу ведете?

Вронская покачала головой:

– Нет, хотя я по профессии журналист. Работаю в еженедельнике «Ведомости». Там выходит моя авторская колонка с фотографией. А еще я пишу детективы.

– Не может быть! Как интересно!

– Мне самой интересно. Писать книги – куда больший драйв, чем работать над статьями, – призналась Лика, напряженно наблюдая за детенышем. Расправившись с печеньем, он с явным интересом оглядывался по сторонам, наверное, выискивая, чего бы еще захотеть, чтобы потом не получить и залиться слезами с полным на то основанием.

Лика собиралась еще похвастаться новым романом, который буквально на днях вышел из типографии, но так и застыла с открытым ртом.

– Вы его пока подержите, хорошо? – виновато сказала брюнетка, водрузив Лике на колени свое чадо. – Так курить хочется! Я быстренько.

Детеныш проводил маму-предательницу растерянным взглядом, посмотрел на Лику и вдохновенно вцепился в ее длинные светлые волосы.

– Эй, ну ты что, не надо, пожалуйста, – забормотала Вронская, пытаясь разжать цепкие крошечные пальчики. – Давай ты будешь себя вести прилично. Хорошо, хорошо – рви на мне волосы, только не плачь, договорились? Я же совершенно не умею тебя успокаивать. У меня детей нет, только собака, Снап. Песика своего я родителям подкинула на время поездки, и...

– М-мама? – неожиданно перебил ребенок, отпустив прядь и тут же ухватившись за висевшую на шее Лики серебряную цепочку с крестиком.

– Маме и папе. Цепочка может порваться, ты осторожнее.

– Трактор ды-ды! – отозвался малыш.

– Может, поезд? Мы едем в поезде, ту-ту! Ой, молодец, что не рвешь цепочку, правильно.

– Трак-тор. – На пухленьком личике промелькнуло что-то похожее на снисходительность. – Ды-ды-ды!

Лика, потрясенная странной детской логикой, не нашлась что сказать. Теплый комочек на ее коленях пытался что-то объяснить. Наверное, про трактор, но уловить в детском лепете смысл было сложно. Зато собственные мысли жалили очень доходчиво.

Мог бы быть такой же собственный малыш. Или малышка. Или – тридцать лет, пора, пора – даже несколько детенышей. Но их нет. И винить в этом, кроме себя, некого. Неправильное устройство организма, материнский инстинкт проигрывает профессиональному азарту...

Пожалуй, даже справедливо, что бойфренд Паша, с которым много лет прожито вместе, решил завести себе любовницу. Ну, надоела ему подруга, сутками пропадающая в офисе, а ночами терзающая ноутбук.²

Конечно, можно попытаться не писать ни книг, ни статей. Но тогда свет станет не мил. И оказавшийся рядом мужчина – тоже. Франсуа был потрясающим любовником. Он сделался бы идеальным мужем. Но через два месяца захотелось сбежать из Парижа, из удобной предсказуемой жизни. А в общем-то – из тоски.³

Последняя симпатия. Нелепо, невозможно. Священник, отец Алексей. Мало того что священник – так еще и женатый. Потрясающие серые глаза-звезды, украденный поцелуй. Даже вспомнить не о чем. Но так, наверное, правильно. К тому же отец Алексей помог понять главное. Надо ценить то, что есть сейчас. Если у других есть больше – значит, они это заслужили. А нереализованные мечты – не повод пренебрегать тем, что имеешь. На все воля Божья.⁴

– Надо же, первый раз заснул на чужих руках, – осторожно прикрыв дверь купе, прошептала женщина. Бросив на столик пачку «Парламента» и зажигалку, она повернулась к Лике: – Давайте я его возьму.

² См. романы О. Тарасевич «Без чайных церемоний», «Ожерелье Атона», «Проклятие Эдварда Мунка».

³ См. роман О. Тарасевич «Смертельный аромат № 5».

⁴ См. роман О. Тарасевич «Крест Евфросинии Полоцкой».

– Он что-то пытался рассказать про трактор.

– Ага, тракторы – наша страсть. Муж даже возил его на выставку сельхозтехники. Пару дней ребенок был тише воды ниже травы. Видимо, так впечатлился. Ох, зря я его от вас взяла. Вы-то постель разбирать будете? Мы, конечно, вздремнем.

Ли́ка, осторожно передавая посапывающего мальчика, задумалась. Спать в дневном поезде – с одной стороны вроде абсолютно нелогично. До Питера максимум шесть часов езды, к вечеру поезд доберется до Северной столицы. А с другой – что еще делать? Книжка благополучно забыта в Москве, в плеере, по закону жанра, разрядилась батарея.

Дождавшись, пока попутчики устроятся на полке, Вронская разобрала постель, сбросила джинсы и свитер и юркнула под одеяло. Неспешный стук колес помог быстро погрузиться в сон.

– А как вы придумываете сюжеты для ваших книг?

– Главную героиню вы списываете с себя?

– О чем будет ваш следующий роман?

Банальные вопросы. Но на них хочется отвечать подробно. Потому что пришедшие на встречу люди читают ее книги. И если им любопытно – надо в сто пятьдесят первый раз рассказать и про сюжеты, и про главную героиню. Это менее интересно, чем работать. Но ведь конечная цель работы – читатели, их пара часов беззаботного путешествия по роману. Им хочется узнать подробности, связанные с творческим процессом. Что ж, следует пригласить людей на творческую кухню, это долг элементарной вежливости. Но как же сложно формулировать словами то, что происходит каким-то совершенно непостижимым образом. Наверное, ни один писатель толком не может объяснить, как именно пишет свои романы.

Непонятен и какой-то шум, треск. Резкий жженный запах...

Ли́ка открыла глаза и сразу же испуганно зажмурилась – яркая вспышка пламени возле лица.

Детский плач, отчаянные вопли, звонкие хлопки, удары.

– Ох, извините! Сын проснулся, нашел зажигалку. Это не ребенок, это обезьяна. Простите, пожалуйста!

– Все в порядке, – пробормотала Вронская, шурясь от едкой гари. – Шустрый какой. Воняет ужасно, что же он спалил? Ой, мама. – Она привычным жестом хотела отбросить волосы и замерла. Рука захватила пустоту. – Что у меня с головой?!

Бросившись к двери купе, Ли́ка глянула в зеркало и застонала. Часть шевелюры выгорела практически до корней. Окончательно. Безвозвратно!

– Трындец, – расстроено пробормотала она, ощупывая проплешину. – Паленая писательница. Народ будет в шоке. А я уже в шоке!

Потом были сбивчивые извинения соседки. Крики наконец появившейся проводницы. Сочувственные возгласы пассажиров из других купе, бесцеремонно заглядывавших в открытую дверь.

Все это Ликой воспринималось как в тумане. Пару минут писательница занималась извлечением из сумки шарфа, который хоть как-то маскировал последствия произошедшей катастрофы. После чего, закрыв глаза, она прислонилась к стене и стала мысленно костерить мамаш, которые мало того что курят, так еще разбрасывают свои зажигалки где ни попадя.

– Простите нас, пожалуйста! – в унисон дернувшемуся, а потом остановившемуся поезду умоляюще попросила попутчица. – Вас встречают? Если хотите, муж может подвезти.

– Все в порядке. – Ли́ка поднялась с полки, вытащила сумку. И, натянуто улыбнувшись, пробормотала: – Да ладно, чего уж там. До Кунсткамеры дорогу найду.

Спустившись на перрон, она мгновенно разглядела среди многочисленных встречающих своего бренд-менеджера. Такие девушки, как Ирина, никогда не теряются в толпе. Совершенство, в любой момент готовое для фотосессии в глянцево́м журнале. Тщательный макияж иде-

ально гармонирует с голубыми глазами и роскошной гривой платиновых волос, которые сочетаются с одеждой, к которой, в свою очередь, конечно же, подходят обувь и сумочка.

А перед глазами совершенства предстает картина, мягко говоря, от совершенства далекая. Черные джинсы, спортивная красная куртка и сиреневый шарф, прикрывающий сожженные волосы. Шарф теоретически предполагалось надевать с классическим черным пальтишком, приготовленным для прогулок по Питеру.

Вот ведь вредный малыш...

Лица старательно улыбалась Ирине, чувствуя себя глубоко несчастной городской сумасшедшей.

– Привет! Заболела? Тебя знобит?

В голосе Иры не слышалось даже намек на иронию, только деловитость и искреннее сочувствие. От них подступивший к горлу комок исчез, растворился.

– Только не падай. – Вронская резко сдернула шарф. – Представляешь, задремала, ребенок соседки по купе нашел мамину зажигалку. Может, мне парик прикупить, как думаешь?

Ирина покачала головой.

– Вот еще! Сейчас мы прямиком в гостиницу. Из такси позвоню парикмахеру, она придет и сделает тебе короткую стрижку. Кардинальная смена имиджа – это не есть гуд, но у нас нет выбора. Тебе, кстати, со стрижкой будет очень хорошо.

Поймав пару пристальных удивленных взглядов случайных прохожих, Лица снова прикрыла остатки шевелюры. И, невольно морщась от противного треска колесиков сумки, заторопилась вслед за Ириной.

Если девушка, у которой лак для ногтей подобран в тон помады, уверяет, что короткая стрижка будет на Лице смотреться прилично, то ей можно верить...

Питер оказался оглушительным и непонятным. Водитель, машина, даже сидящая рядом Ирина – все это мгновенно смылось закованной в гранит водой, заслонилось величественными даже в разрушении зданиями, золотыми куполами, мрачными узкими переулками.

А люди! Ликину память, автоматически фиксирующую любые нюансы, зашкаливало от нетипичных, необычных подробностей. Старушка с оранжевым ежиком волос, в кожаных брюках. Парочка, словно одетая в реквизит фильма «Служебный роман» – старомодные плащи, очки в толстой оправе, грубая обувь. Томная девушка в ковбойской шляпе. А вот и бодренький старичок, черная повязка на длинных седых волосах.

Неформальных, странных, отличающихся от москвичей, от европейцев, ото всех на свете людей было столько, что Лица физически ощутила, как пикирует во временную пропасть.

Какой 2007 год! Нереально! 1987—1989-й, наверное, так. Первые глотки свободы, опьянившие всех без исключения. В битве против серости все средства хороши. Узнать все, понять самое главное, высказать свое мнение. И больше, и быстрее, и чтобы никто не посмел сдерживать. Тогда казалось – фейерверк счастья, перемен, свободы будет искриться вечно. Но он, конечно же, догорел, оставив ватный привкус похмелья и необходимость привыкать к новой жизни. И все привыкли, придумали новые правила, цели и идеалы. То есть – почти все. В Питере время точно расслоилось, разделилось, запуталось. Или просто стало своим собственным, обособленным, питерским.

«Это так странно, – внезапно поняла Лица, – что я до боли, до одури хочу в Москву. Я, в любом городе, в любой Богом забытой дыре адаптирующаяся мгновенно, хочу домой. Не понимаю проносающегося за окном города, и от этого как-то совсем тоскливо...»

– Знаешь, Ир, я вот подумала, – отвернувшись от окошка, преувеличенно бодрым тоном заявила Вронская, – давай замутим какую-нибудь инсталляцию. Ну, скучно же будет – я, книжки, читатели. Еще и не придет никто, вот увидишь. Давай устроим шоу. Сымитируем какое-нибудь преступление, трупик из морга привезем, милицию организуем. До завтра еще куча времени, успеем. Все-таки экшен, действие, а?

Приветливая полуулыбка, доброжелательный взгляд – в Ирином облике ровным счетом ничего не изменилось. Только обычно мягкий голос зазвучал как металлический:

– Лика, я думаю, это не самая лучшая идея. Хочу тебя попросить не устраивать импровизаций. Договорились?

– Договорились, – буркнула Вронская, украдкой почесывая нестерпимо зудящую голову. – Ты только на вид тургеневская девушка. А на самом деле ты из стали. Мимикрируешь.

Ирина рассмеялась и тронула за плечо таксиста.

– Перед следующим перекрестком арка. Поверните туда, там наша гостиница.

– Уверены? – удивился водитель. – Я даже вывески никакой не помню!

– Это мини-отель, он в обычном доме находится, в бывшей коммуналке.

«Ну и ступеньки, – мысленно ворчала Лика, войдя вслед за Ириной в полутемный подъезд. – Ну и лестницы! На второй этаж поднимаемся, а кажется, будто на шестой».

В приоткрывшейся двери показалась голова... вампира! С перепугу Вронская уронила сумку, а когда ее подняла, бренд-менеджер уже всю общалась с представителем потустороннего мира.

При ближайшем рассмотрении вампир, несмотря на вполне обычный бедж «Евгений, портье мини-отеля „Фантазия“», оказался совсем жутким. Черные, явно крашенные волосы, мертвенно-бледное лицо, обжигающие, жаляще-чернящие глаза. Протягивая ключ, парень коснулся Ликиной руки. Влажно, прохладно, ужасно. Вронская машинально опустила глаза на стойку и едва удержалась от крика. Лицу жутковатого парня было лет двадцать. Рукам – не меньше семидесяти! Красные, морщинистые, с пигментными пятнами и словно присыпанные мукой.

– Милый у вас отельчик, – выдавила из себя Лика и уставилась на яркий календарь, прикрепленный к стене.

Смотреть на золотой купол Исаакиевского собора. Он красив и безопасен. Мало ли какие еще сюрпризы можно обнаружить во внешности портье...

– Я провожу вас в номер, – оживился вампир.

– Спасибо, не стоит, – отчеканила Ирина и, подхватив свою подопечную под руку, зашагала по длинному коридору. – Тебе нравятся мини-отели? Мне кажется, гостиница приличная. Но это чудо лохматое... Я вчера прилетела, и ты знаешь, такая женщина милая дежурила.

– Все для меня, – пробормотала Вронская. – Шустрые дети, вампиры-портье. Кстати, а в каком магазине первая презентация-то будет?

– Первая презентация будет не в магазине.

Лика остановилась. Очередной удар под дых от Северной столицы?

– Коллектив книжной ярмарки узнал о пиар-мероприятиях и захотел пригласить тебя к себе. План нашей работы уже был составлен, поэтому я решила, что сначала мы выступим на ярмарке. Это даже хорошо, ведь там работают люди, которые продают твои книги. Но встреча не только для продавцов. Читатели тоже придут, разумеется, журналисты проинформированы, – закончила Ирина и осторожно встряхнула Лику за плечо. – Так и будем стоять возле моего номера? Или пойдем к твоему?

«Ярмарка так ярмарка, – с мрачной решимостью подумала Вронская, открывая дверь. – Не буду ничему удивляться. Не буду протестовать и возмущаться. Спокойствие, только спокойствие, как говорил мой любимый Карлсон».

Спокойствие. Даже если из окна номера виден подвал, возле которого с гитарой сидит Виктор Цой. То есть понятно, что это кто-то очень похожий на Цоя, но копия выглядит в точности как оригинал.

Спокойствие. Даже когда от длиннющих волос остается обскубанный ежик, через который сразу же туда-сюда увлеченно забегает сквозняк.

Спокойствие. Даже когда парикмахер Верочка вдруг заявляет, что ее парень ждет не дождется встречи с любимой писательницей. Мужчина – поклонник женской прозы?! Здесь что-то не так...

В этом городе все не так! Еще и бренд-менеджер куда-то смылась, оставив ее, лысую и несчастную. Спокойствие, только спокойствие!

Ирина, впрочем, оказалась легка на помине.

– Вот, сбегала и купила, это тебе утешение, – сообщила она, протягивая Лике коробку конфет.

Вронская равнодушно посмотрела на презент и тут же обрадованно вскрикнула:

– Йес! Мои любимые, «Дежавю»! Жизнь удалась! Угощайся, пока я все не схомячила!

Ирина отрицательно покачала головой.

– А как же ужин? Здесь рядом хороший суши-бар.

Лика хотела сказать, что суши – это прекрасно. Но подруга Маня как-то подсунула ей конфеты этой марки, и нелюбовь к сладкому мигом сменилась неконтролируемым обжорством. Поэтому первым делом – конфеты, а все остальное – позже.

Но с набитым ртом разговаривать было сложно, и Вронская просто махнула рукой.

* * *

Из Живого Журнала Helen

Тема: Дротик в сердце

Настроение: depressed

Музыка: Д. Билан «А это была любовь»

Доступ: только мне (личное)

– Элеонора! Проходи, пожалуйста. Косметолог уже освободилась!

I hate her!!!⁵

На долю секунды мне показалось, что я задыхаюсь. В лицо вжата подушка, мне хочется сделать вдох. Ничего не получается. Ненавижу это имя, оно душит меня уже целых двадцать лет, душит...

Элеонора! Вот же родители учудили. Претенциозно, старомодно. Полный отстой. От этого имени испаряется кислород и воняет сладкими тяжелыми духами, красным бархатным платьем, толстым слоем пудры. Сокращенное, Нора? Да ну, тоже манерно, не нравицца. Друзья давно привыкли к энергичному стремительному Элен. Но администратор салона красоты – давняя приятельница маман. А маман, несмотря на все мои просьбы, упрямо твердит: «Элеонора – прекрасное имя!» Так что в данном случае все объяснения бессмысленны...

В кабинете косметолога хорошо. Приглушенный свет, негромкая медленная музыка. Удобный стол, мягкие салфетки, баночки с масками и кремами. Я опустилась на стул, чтобы снять ботинки на высоких каблуках. И скорее туда, под теплое махровое полотенце, к красоте, блаженству!

Взгляд машинально скользнул по висящему на стене календарю. Октябрь, красный квадратик у цифры «7». И много-много дротиков боли вдруг вонзилось в сердце.

«Косметичка», как почувствовала, растревожилась:

– Ты так побледнела! Хорошо себя чувствуешь?

Облизнув пересохшие губы, я кивнула, сбросила обувь. Потом стянула белый свитер и забралась на стол.

⁵ Я ненавижу ее! (англ.)

Спонж, смоченный косметическим молочком, скользит по лицу. У меня красивое лицо, с высокими скулами и пухлыми губами. Единственное, что мне не нравится в своей мордочке, – это тяжеловатые верхние веки, делающие взгляд серьезным. Ага, теперь на спонже – тоник. Думать о препаратах. Запахах, текстурах. Умелых руках косметолога, за два часа преображающих потускневшую от осени и хронического недосыпания кожу.

«Сегодня седьмое октября. Седьмое. Наш день, – мелькают непослушные мысли. – Всего три года прошло. Как вечность. Вернуться бы в тот день. Хочу, хочу, больше всего на свете хочу этого!»

– Ты улыбаешься. Щекотно?

Я отрицательно покачала головой.

Все. Все! Плотину воспоминаний прорвало. Я ее сдерживала, опасаясь боли. И ничего не вышло, дротики окончательно изрешетят цель. Но это произойдет потом, не теперь.

...А теперь будет счастье. Пьяное, глупое теплое море. Странно, что мне было так тепло. Ведь в тот год осень началась рано, по вечерам заморозки покрывали тротуары колкой ледяной корочкой. Казалось, сапожки превращались в коньки. Я торопилась на встречу с Кириллом...

Случайный знакомый из Интернета, вот, договорились пересечься. Выпьем кофе и разбежимся. Конечно же, Кирилл окажется старым, толстым и неинтересным. Он выслал мне обработанный в фотошопе снимок, или вовсе чужую фотографию, или вообще и первое и второе «в одном флаконе». Плавали, знаем. Ничего серьезного, *nothing interesting*.⁶ Я почти убедила себя в этом. Поэтому, когда возле кафе на Невском увидела высокого парня, симпатичного, куда более красивого в реале, чем на присланной фотке, то здорово растерялась. И он растерялся:

– Я думал, ты старше...

Еще бы, он получил снимки с показа. Профессиональный макияж, полумрак ночного клуба, эффектное вечернее платье. Это лучшие фотографии из моего портфолио, хотя по ним мне можно дать двадцать два. Захотелось похвастаться.

Перед свиданием думала: «рисовать» лицо по всем правилам или не стоит? Ну, он же толстый, старый. Чего напрягаться? Ага...

А он – молодой и красивый.

Облом.

Глазищи, голубые, кажется, на пол-лица. А высоченный! У меня рост сто семьдесят восемь – но чувствую себя дюймовочкой. Нет октября, промозглого ветра, запаянных в лед лужиц. Вокруг меня теплое море. Пьянею от взгляда Кирилла, но вида, конечно же, не показываю, специально сдуваю челку со лба. Смотри, у меня красная помада, и волосы длинные, смотри же!

– Мне семнадцать. Передумал приглашать меня на кофе? Ну ладно, тогда я пошла...

Отлично. Его рука вцепилась в рукав моей куртки. У губ – легкие, едва заметные складочки отчаяния. *Gotcha, dear!*⁷

Мы вошли в кафе, сели за столик у окна. Теплового моря и пьянящего счастья становилось все больше. Кирилл что-то спрашивал, и было так лениво объяснять, что заканчиваю школу, занимаюсь в модельном агентстве, хочу поступать в иняз. Он тоже рассказывал про себя. 25 лет, работает в газете фотографом, любит дайвинг и чизкейк. Мне было плевать, кто он, что он. Пьяная, довольная, разнежившаяся, я думала только об одном.

Кирилл догадается меня поцеловать? По-настоящему, долго-долго? Как же я хочу этого, и волнуюсь, и хочу еще больше! *I really dream about kiss!*⁸

– Мне надо домой. Завтра контрольная, буду готовиться. Проводишь меня?

⁶ Ничего интересного (*англ.*).

⁷ Попался, дорогой! (*англ. разг.*)

⁸ Я действительно мечтаю о поцелуе! (*англ.*)

– Подвезу.

Контрольная, конечно, была. Заниматься я не собиралась, счастье и формулы несовместимы. Но – подъезд, прощание, поцелуй, хочу-хочу-хочу. Оказывается, у Кирилла есть машина. Тем лучше. Нам никто не помешает.

Я жила тогда возле Московского вокзала, поэтому мы доехали быстро. А потом долго-предолго сидели в стареньком «Фольксвагене».

– Знаешь, во время съемок был такой случай... А как-то мы приехали на интервью, и оказалось...

В три часа ночи я окончательно поняла: ничего не будет. Кирилл не решится. Я нравлюсь ему, очень нравлюсь. Стал бы он в противном случае трепаться со мной столько времени. Не likes me, but...⁹ Или он считает меня слишком маленькой, или, глупый, думает, что целоваться в первый день знакомства неприлично.

Да, его губ мне в тот вечер не досталось. Зато море, тепло, опьянение – все было моим.

Итак, я стала влюбленной... но очень скоро и злой. Теперь понимаю: Кирилл действительно меня любил, по-настоящему. От его эсэмэсок разряжалась батарея. Моя комната превратилась в благоухающую оранжерею. Плюшевые игрушки приходилось отдавать в детский сад – на диване они просто не уместались.

Он не позволял мне скучать. Мы ходили в кино, тусили в клубах, смотрели «Танец смерти» и «Ковбой Бибоп»¹⁰ и даже катались на каруселях. Но это же – сплошное детство. А мне так хотелось скорее почувствовать себя взрослой!

Его нежность иссушила мое море. Тактичность выветрила хмель. Усталость, равнодушие, досада – мне казалось, я чувствую именно это. Когда наконец Кирилл решился со мной переспать, мне уже было скучно, неинтересно. Никак, одним словом.

А потом появился Витя. И я влюбилась в него как сумасшедшая. Виктор – сильный, властный, уверенный. Если бы только знать, чем все это закончится...

Не знаю, сотрется ли из моей памяти когда-нибудь седьмое октября. Но пока я точно уверена, что хочу вернуться в тот день. И быть чистой беззаботной девчонкой. Сидеть в «Фольксвагене» Кирилла, любоваться его профилем, мечтать о поцелуе. It was love.¹¹ А то, что я за нее приняла, оказалось грязью.

– Элен, да что с тобой сегодня? Опять лоб морщишь! Какая тогда польза от маски и от массажа?!

Я соврала косметологу про большую нагрузку в универе.

Утыканное дробиками сердце болело. И от воспоминаний заныл затылок. Кирилл любил его целовать, а я злилась, злилась на свое счастье.

– Элен! – застонала «косметичка». – Давай разговаривать, может, это тебя отвлечет! Мы с мужем недавно в театр выбрались. А еще знаешь, так обидно. В Питер писательница Лика Вронская приезжает, у нее завтра презентация на книжной ярмарке. А я работаю.

– Вронская? Прикольно. Мне нравятся ее книги. Аффттар, пеши исчо!

– Опять ты хмуришься? О чем ты думаешь, а?

Я думала о том, что если писательница в Питере, то у нее можно кое-что выяснить. Авторы детективов должны здорово сечь в таких вопросах. Я проконсультируюсь. Как бы случайно, ненавязчиво. Вронская свалит в свою Мск. А я буду действовать...

⁹ Я ему нравлюсь, но... (англ.)

¹⁰ Популярное аниме, японские мультики.

¹¹ Это была любовь (англ.).

* * *

– Прекрасная пора! Бомжей очарованье! Э-э... Бомжей очарованье! Приятна мне... Приятна... Андрей! Помоги же, ну!

Андрей Соколов закусил губу, стараясь не расхохотаться. Интерн Марина Вершинина в своем репертуаре. Сплошной позитив, с длинными ногами и белоснежной улыбкой. Веселится, несмотря ни на что, классиков переиначивает. А погода-то, между прочим, отвратительная, промозглая. Влажность такая высокая, что воздух, кажется, не вдыхается, а глотается, и потом – прямоком разрушать организм, воспалять миндалины, студить легкие. А ночью были заморозки. И вот последствия – первый в этом году урожай «подснежников», замерзших бомжей. Не дежурство, аншлаги! Чумазы от пыли лица, полчища вшей на грязной коже, скрюченные пальцы, даже в агонии пытающиеся удержать жизнь.

Жизнь? Разве это жизнь... Андрей брезгливо осмотрелся вокруг. Обитель бомжа, расположенная на пустыре за гаражным кооперативом, выглядела стандартно убого. Что-то вроде шалаша из картонных коробок, черная проплешина догоревшего костерка, закопченный котелок. Нет, пожалуй, что и не жаль его, еще в принципе нестарого мужчину, убитого первым легким морозом. Кто знает, как он доставал деньги на очередную бутылку. А если грабил? Грабил и убивал, а потом на секционном столе оказывались молодые, беззащитные, ни в чем не повинные?! Тех – жаль, да. Даже опытные и пожилые судебные медики говорят: невозможно привыкнуть к насильственной смерти. Стараешься равнодушно, без эмоций осматривать раны, изучать состояние внутренних органов, устанавливать причину и давность наступления смерти, брать для анализов ткани, жидкости. А все равно от горькой досады саднит сердце. К запаху трупов, формалина, содержимого кишечника привыкаешь. То есть не то чтобы совсем привыкаешь, рефлекс срабатывает, отшатнешься на секунду, поморщишься. Но это в какой-то степени все равно привычка. А к жестокой насильственной смерти обычных людей – невозможно привыкнуть. Пытаешься взять себя в руки, не сочувствовать, абстрагироваться... Бомжа определенно не жаль. Не в эту зиму к праотцам бы отправился, так в следующую. Не замерз бы – так погорел в своем картонном жилище. Но теперь можно точно сказать – вот именно этот опустившийся человек не спровоцирует доставку в морг тех, кому бы жить да жить.

– Андрей, я тебя в машине подожду, – клацнув зубами, сообщил следователь. – Вот это холодина сегодня! А ты тут возишься чего-то.

Марина дождалась, пока массивная спина в трещащем по швам синем пиджаке исчезнет в «уазике», и закривлялась:

– А ты тут возишься, возишься. Кстати, в самом деле! Что, с этим парнем что-то не так?

Хорошенькое лицо девушки оживилось. Черноволосая, с румяными щечками, она, если ей уж приспичило заниматься судебной медициной, отлично смотрелась бы за микроскопом. Да мало ли других специализаций. Но танатология...

– С тобой что-то не так, – улыбнулся Андрей, переворачивая бомжу на спину. – Я как увидел тебя в бюро, решил, галлюцинации у меня. Будто специализаций в судебной медицине мало, выбрала самую опасную. Через труп ведь все, что угодно, можно подцепить. Туберкулез, гепатит, ВИЧ.

Марина, нахмурившись, пожала плечами:

– А что, от живых больных врачи никогда не заражаются?

– На живых больных, – запальчиво возразил Андрей, – нет опарышей. Иногда как облепят «клиента» – хоть стой, хоть падай. Все это до поры до времени мимо студентов и интернов проходит. А жаль, для полного познания профессии не помешало бы личинки из трупа повыковыривать. В нашем бюро работают женщины-эксперты и даже хорошо справляются со своими обязанностями. Но, знаешь, я все равно считаю эту работу не женской!

На лбу девушки обозначилась тонкая морщинка.

– Не понимаю, что тебя смущает в этом покойнике, – поморщившись, перебила она, явно стараясь сменить тему. – «Поза зябнувшего человека» едва выражена, но это может быть следствием употребления алкоголя. Можно различить «гусиную кожу» – тоже признак прижизненного процесса охлаждения. Бомж – он и есть бомж. Я так понимаю, если череп не проломлен – значит, сам помер. Напился и замерз. В любом случае, на вскрытии все выяснится.

– Вскрытие, – пробормотал Андрей, оглядывая трупные пятна на сером, в грязных разводах, животе, – может показать не все и не всегда. Да, пятна розовые, следствие перенасыщения крови кислородом. Я, наверное, и правда излишне дотошен. Но мне почему-то кажется...

Ее темным бровям любопытно. Горят карие глаза, даже губы приоткрылись, как для поцелуя.

«Сумасшедшая девка, – стягивая перчатки, подумал Соколов. – Не понимаю причин ее интереса. А интерес очевиден».

– Знаешь, один раз я уже здорово обжегся. По всем признакам выходило – смерть в результате несчастного случая. А это было убийство, – сказал Андрей, закрывая чемоданчик. – Из-за моей ошибки преступник отправил на тот свет еще одну жертву. Хотя, конечно, другие эксперты тоже ошибались, преступник имел отношение к медицине и всех нас ввел в заблуждение. И вот подонок теперь сидит – а к нам не так давно привезли еще один очень подозрительный труп. Возможно, я, конечно, дую на воду. Но кто знает...

* * *

– Пожалуйста, прошу вас. Вышел новый роман Улицкой, новая книга у Веллера, – говорил Валерий Петрович Савельев, следя за пристальным девичьим взглядом, порхающим по обложкам. – А это очередной опус, перекочевавший на бумагу из Интернета. Я просмотрел, но меня, честно говоря, не впечатлило. Бедноват язык, неоправданно широкое употребление нецензурной лексики. О, Дина Рубина – у вас отличный вкус. И вот именно этот роман, «На солнечной стороне улицы», мне очень понравился.

Покупательница испуганно вздрогнула, и Валерий Петрович дотянулся ногой до стула гогочущего Лешика, постучал по нему.

Ноль эмоций! Заливается! На голове – колбаски из свалывшегося войлока. Дрэды, как выяснилось, называются. Из наушников доносится мерное: тыц-тыц-тыц. Это все еще можно было бы стерпеть. Но смех у парня ужасный, грубый, гавкающий. Тут любого кондратий хватит. А ценительницы хороших книг – они же натуры особенно тонкие, впечатлительные.

Лешик, негодник, уткнувшись в книгу, все покатывается...

После того как девушка, виновато улыбнувшись, положила томик Рубиной обратно на прилавок и исчезла, терпение Валерия Петровича лопнуло. Он ткнул соседа в бок, потом решительно сорвал с его головы, напоминающей войлочную пальму, наушники.

– Дядь Валер, вы чего? – сняв очки, искренне изумился Лешик. И опять захихикал: – Улетная книжка, Мария Брикер, реалити-детектив. Я почти дочитал, оборжаться можно. Хотите, вам дам?

– Я хочу, чтобы ты не гоготал, как конь. Всех покупателей мне распугаешь, – буркнул Валерий.

Парень виновато потупился:

– Я старался, старался. Только ничего не вышло. Очень хорошо написано.

На секунду Валерию Петровичу стало стыдно. По большому счету, грех жаловаться на соседа-продавца. Парень всегда готов помочь, и за книгами присмотрит, и кофе принесет. Лешик – искренний, отзывчивый. Правда, очень уж увлекается тем, что продает. Торговать

детektивами – дело, может, и неплохое с точки зрения прибыли. Но вот для чтения есть куда более достойные авторы, та же Улицкая, Славникова, Кабаков, Поляков.

Валерий посмотрел на стопку книг и грустно вздохнул. Продажи становятся все хуже и хуже. Когда только начиналась частная книжная торговля, любую литературу читатели отрывали с руками. Теперь рынок перенасыщен, издается, пожалуй, даже больше книг, чем люди готовы купить. И еще один аспект, из-за которого в последние годы снижается прибыль у предпринимателей, держащих точки на книжных ярмарках. Развитие сети крупных магазинов предложило людям принципиально иной уровень обслуживания. Огромный выбор, широчайший ассортимент. Удобные залы, где можно без спешки и толкотни просмотреть приглянувшиеся книги. Гардероб, кафе, постоянные акции и спецпредложения. Все это привлекает любителей литературы. Цена на книги на ярмарках, конечно, традиционно ниже. Но сегодня люди уже готовы платить за комфорт. К услугам же тех, кто все-таки смотрит на цену, теперь не только книжные ярмарки, но и интернет-магазины. Конкуренция. Выгодна покупателям, не выгодна предпринимателям. Выживет сильнейший. Слабый погибнет. Естественный отбор, но разве с ним смирится тот, кому суждено проиграть...

– У вас есть Сорокин? – перебил его мысли покупатель.

– Конечно, вот, посмотрите, «Лошадиный суп», «Тридцатая любовь Марины», «Голубое сало».

За десять минут купили в общей сложности аж четыре книги, и Валерий Петрович повеселел.

«Нет, пожалуй, я все-таки выплыву. Продавца своего, Светлану, увольнять не буду, – думал Савельев, отмечая проданные книги в тетради. – Потому что если сам стану на точку, то у меня не получится обеспечить хороший ассортимент. Большинство крупных издательств находится в Москве, но на питерских складах официальных представителей почему-то оказывается далеко не все, что выходит. Поэтому все равно придется изучать прайсы, нанимать фуру, ездить в Москву. Покупатели уже привыкли, что у нас можно купить все новинки интеллектуальной прозы. Ухудшится ассортимент – упадут продажи. Нет, надо продолжать бороться. Скорее бы Света поправилась и вышла на работу. Вот, купили Сорокина, Щербакову, Толстую и Макаревича. Трех наименований на складе уже нет».

– Млин, как жалко!

Лешик отложил книгу, снял очки и, вздохнув, повторил:

– Жалко... Книжка закончилась. Поговорить бы с ней. Но она в Питер не приедет. Честное слово, лучше бы Брикер приехала вместо этой Вронской! Но поездка Брикер в Питер не планировалась. Пришлось пригласить Лику.

Валерий Петрович равнодушно заметил:

– Все равно я не знаю, о ком ты говоришь. Мне это малоинтересно.

– Нет, подождите! Вы же брали у меня роман Вронской! Или я что-то путаю?

– Я? И эти книжонки в ярких обложках? – Савельев скептически усмехнулся. – Путаешь, конечно. Если и брал – то только для сестры, она макулатуру пачками глотает.

Лешик, пожав плечами, улыбнулся.

– Вы так говорите потому, что этих книг не читали. Я тоже раньше по фэнтези фантиком был. Но надо же как-то с покупателями общаться, а на точке детективы. Один прочитал, второй. Супер!

Савельев набирал эсэмэску и вяло соглашался. Да, детективы «супер», встреча с Вронской – как говорит поколение пепси, «полный улет». Живой автор – это, «по-любому, прикольно».

Лучше уж занимать Лешика беседой. Потому что, если он схватится за очередной иронический детектив и начнет гоготать, покупатели опять перепугаются. Зачем терять денежки там, где их заработать можно?

Отправив сестре эсэмэску, Валерий машинально осмотрелся по сторонам. «Хоть бы музыкальный центр сломался у тех ребят, – с досадой подумал он, глядя на точку, где торговали дисками. – С самого утра ревет дурацкий шансон. Бедная Светлана, как она все это терпит?»

Внезапно ладони стали влажными.

Опять, испугался Савельев, опять этот странный человек в сером пальто. Вон там, возле точки с орущим шансоном. Смотрит пристально. Какой же недобрый у него взгляд...

* * *

«Штампы, визитки». «Эмиграционные карты, регистрация, недорого». «Нотариус с выездом».

«Желтая газета», ну наконец-то... Артур Крылов ловко перепрыгнул через лужу, образовавшуюся из-за перманентно протекавшей крыши. И потянул на себя протяжно заскрипевшую дверь редакции.

В длинном полутемном коридоре, окутанные клубами сигаретного дыма, возились рабочие.

«Опять пробки вылетели, – расстроено подумал Артур, шагая к своему кабинету. – Не офис у нас, а дыра настоящая. Света то и дело нет, крыша течет, краска с потолка щедрыми кусками валится прямо на голову. Не понимаю я владельцев издательства. Тираж огромный, рекламы – почти на полгазеты. Неужели нельзя помещение для редакции подыскать поприличнее!»

Открывая дверь, Артур мысленно загадал: если внутри плачет потолок или обмочились батареи – он еще потерпит. Если же случится первое и второе одновременно – пойдет к Галке писать заявление об уходе. Наплевать на гонорары хорошие, на популярность издания и на Аничков мост, зависший практически под окном. Он уволится, потому что ему наскучило все время ликвидировать потопа. И кашлять от сырости, кстати, тоже надоело!

Внутри, к огромному облегчению Артура, все оказалось почти в полном порядке, пара плечочков обвалившейся штукатурки на столе – не в счет, смахнуть и забыть.

Он уселся на стул, забросил ноги на подоконник и с наслаждением закурил. Сложное это дело – писать журналистские расследования. Набегаешься, как собака, по всем этим потерпевшим, ментам, следователям. Но и платят за такие статьи хорошо, и репутация уже ого какая. Есть два предложения о трудоустройстве от конкурентов. Тем не менее бросать «Желтую газету», несмотря на невыносимые бытовые условия, пока не стоит – здесь самые высокие гонорары и самый большой тираж. И кабинет, кстати, отдельный. Правда, нарисовался тут сосед-фотокор, чьи апартаменты залило, но это ненадолго. В общем, в Питере круче газеты нет. А в Москву пока не зовут. Впрочем, кстати, не очень-то и хотелось!

– Загораем? Очень хорошо!

Артур, окинув появившуюся в кабинете Галку быстрым взглядом, сразу же понял: дело плохо. Лицо у редакторши суровое. Брови домиком, тонкие губы поджаты, короткие волосенки агрессивной черно-рыжей окраски воинственно топорщатся. Короче, жди беды.

«Опять, наверное, неточности в статье, – предположил Артур. Он снял ноги с подоконника и постарался придать лицу покорный вид, авось смягчит тяжесть нагоняя. – А может, даже в суд подали, вот начнется нервотрепка...»

– Дорогой, – Галка присела на стул, стрельнула из пачки сигарету, – зажигалка где? Спасибо... Так вот, дорогой мой Артурчик. Ты же знаешь, как я тебя люблю и ценю. Знаешь?

Крылов с готовностью кивнул и пододвинул поближе к начальнице серебристую пепельницу.

– Я тебя люблю и ценю. И мне прекрасно известно, какая именно у тебя специализация. Но ты должен войти в мое положение. Репортерша заболела, а светскую хронику все равно надо

делать. Читателям интересны не только твои разоблачительные расследования, но и подробности из жизни светских персон. Сечешь, к чему это я?

– Ага. – Артур радостно улыбнулся. – Схожу, куда надо, не бойсь. А то ты пришла вся из себя серьезная и суровая. Я решил, что в суд подали.

Галка выпустила облачко дыма и хрипло рассмеялась.

– Это у меня стратегия такая – напугать, а потом своего добиться. Записывай. Завтра, в шесть вечера, книжная ярмарка, презентация романов Лики Вронской. Позвони Кириллу, пусть тоже подъедет и «пощелкает». И сам, конечно, повнимательнее: чем кормили, что наливали. Ну, не тебе объяснять, впрочем! Подожди... – Редакторша пристально всмотрелась в лицо Артура и недоуменно пожала плечами. – Ты как будто даже рад?

– Конечно. Главное, что не суд, а все остальное переживу!

– Хм... меня терзают смутные сомнения. Но ладно, пойду работать. Свет вот-вот врубят, текстов нечитанных куча.

– Давай, дорогая. – Артур солнечно улыбнулся.

Дождавшись, пока за Галкой закроется дверь, он покачал головой. Вот ведь стерва глазастая, ни одна мелочь от нее не ускользнет. Но на данный момент объяснять редактору ничего не хотелось. Когда получит информацию, подготовит материал – вот тогда пусть Галка бьется в судорогах восторга. А статья должна быть забойной, источник информации прежде ни разу не подводил...

Он вытащил из пачки еще одну сигарету и с удивлением заметил: руки-то трясутся. И неожиданно сильная тревога вдруг заскреблась в душе. Но в ту же секунду пискнул компьютер, под потолком в рыжеватых разводах замигали, включаясь на полную мощность, лампы. И Артур, позвонив фотокору по поводу предстоящего мероприятия, с головой ушел в работу.

Глава 2

Петербург, декабрь 1849 года, Федор Достоевский

Витязь горестной фигуры,
Достоевский, милый пыщ,
На носу литературы
Рдеешь ты, как новый прыщ...¹²

Сейчас мне уже не больно вспоминать эти строки. Тургенев, Некрасов – они очень быстро из приятелей моих превратились в недругов, ездили по салонам, рассказывая, в том числе и всенепременно дамам, что я после «Бедных людей» возгордился безмерно. Некрасов к тому же еще и печатал в «Современнике» критические отзывы на «Двойника». Случилось же все это после того, как Белинский первый предал меня с Голядкиным.¹³ Как гром среди ясного неба, ведь хвалил отрывки из неоконченной работы!

Я откуда-то знал совершенно отчетливо, что все злобные мои критики совершенно не правы. Что дело тут вовсе не в моей молодой горячности и чрезмерном самолюбии, а в таланте силы неимоверной. С которым действительно немногие могут сравниться. Управляться с ним, со своим талантом, я хорошо еще не умел, некоторые листы «Двойника», написанные в усталости и мучительном истощении после болезни, действительно ужасны. Но вместе с тем повесть эта выше «Бедных людей», а понять не могут то ли из-за зависти, то ли из-за бедности собственного пера.

И особенно было досадно оттого, что Дунечка¹⁴ знала все, про критику, про насмешки. Все же, пресквернейшим образом, происходило прямо на глазах Авдотьи Яковлевны! Особенно любил меня шпынять красавец Тургенев. Он приезжал к Панаевым, и из-за его насмешек уже через каких-нибудь четверть часа я оказывался в прихожей и от ярости не мог попасть в рукава подаваемого лакеем пальто. Тогда скорее выдергивал одежду из рук слуги, чтобы скрыться за дверь, дабы Дунечка не заметила, как из глаз моих вот-вот готовы брызнуть слезы.

Дуня смеялась надо мною. Я видел насмешку в ее огромных карих очах, в небольшом ротике с чуть выдававшейся вперед полной верхней губкой, придававшей красивому чистому лицу выражение легкой надменности.¹⁵ Но чем невозможней становилась Дунина благосклонность ко мне, тем сильнее в воспоминаниях преследовали меня ее недостижимые губы, гладкие темные волосы, белоснежная тонкая шейка, обвитая нитью крупного чуть розоватого жемчуга.

Теперь нет во мне боли, судорог уязвленного самолюбия, горечи неразделенной любви. Напротив, я тих, спокоен и чувствую неимоверное умиротворение и готовность все принять. В Алексеевском равелине Петропавловской крепости я пишу «Детскую сказку»,¹⁶ в ней не видно ни мук, ни озлобленности, только чистая, как горный ручей, первая трогательная детская любовь.

¹² Из «Послания Белинского к Достоевскому», шутилого стихотворения, сочиненного Тургеневым и Некрасовым.

¹³ Главный герой повести «Двойник».

¹⁴ Авдотья Панаева, супруга литератора и журналиста Ивана Панаева, была первой серьезной любовью Федора Достоевского.

¹⁵ Внешностью Авдотьи Панаевой Достоевский позднее наделил Дуню, сестру главного героя романа «Преступление и наказание» Родиона Раскольникова.

¹⁶ Рассказ был опубликован под названием «Маленький герой».

Хотя, конечно же, долго я размышлял о том, почему оказался среди «петрашевцев» и отчего нынешнее положение мое совершенно темно и незавидно. И понял: никогда и никому не позволено отступать от Христа. И пусть даже скажут тебе, вот истина, совершеннейшая и очевидная истина, но это истина без Христа. Надо тогда все равно оставаться с Христом, а не с истиной. Да и не можно, строго говоря-с, истине быть без Христа. Его сияющая личность, муки за грехи человеческие и еще больше укрепленная в муках любовь – вот что есть истина. Все прочее – лишь туман заблуждений или суть учения Христова, но облаченная в иную форму.

Кабы понять это раньше! Но я забыл про Бога. Богом моим, и многих молодых людей, впрочем, тоже, был Белинский. А он в Господа не веровал, так как веровал в революцию, а революция всенепременно, как это всем известно-с, начинается с атеизма.

– Знаете ли вы, что нельзя насчитывать грехи человеку и обременять его долгами и подставными ланитами, когда общество так подлю устроено. Человеку невозможно не делать злодейства, когда он экономически приведен к злодейству. Нелепо и жестоко требовать с человека того, чего уже по законам природы не может он выполнить, если бы даже хотел, – сказал мне как-то Белинский. А потом, распаляясь все больше и больше, добавил: – Да поверьте, что ваш Христос, если бы родился в наше время, был бы самым незаметным и обыкновенным человеком; так и стушевался бы при нынешней науке и при нынешних двигателях человечества.¹⁷

Я то любил Белинского, то досадовал на него. Но даже когда досадовал, авторитет его для меня являлся весьма и весьма значительным. Последний год своей жизни Белинский совсем меня не звал к себе, а без приглашения являться не пристало. И вот все чаще по пятницам стал захаживать я к Буташевич-Петрашевскому. Читали Гоголя, говорили о Фурье. Я там скупал, пока не сблизился с мрачным красавцем Спешневым. И уже внутри кружка Петрашевского возник еще один кружок, более радикальный, и я к нему с радостью примкнул. Измученный равнодушием публики к моему творчеству, жаждущий сделать что-то значительное, раз с романами покамест не получилось, я всецело отдался новым прожекам.

За попытками устроить свою типографию мы особо не задумывались, как будет выглядеть совместная наша работа. Кто-то говорил о революции, кто-то мечтал об отмене крепостного права. Знали только все мы, что желаем добра своему Отечеству.

В день ареста я вернулся домой поздно, лег спать и тотчас заснул. Но вот гулко звякнула сабля, и в комнате моей зазвучали чьи-то голоса. Открыв глаза, увидел я квартального или частного пристава с красивыми бакенбардами, а еще господина с подполковничьими эполетами и в дверях – солдата. Подполковник сказал:

– По повелению-с.

Пока я одевался, перерыли незванные гости мои книги, золу поворошили в печи, взяли стопку писем. На столе был оставшийся от занятого долга пятиалтынный. Заинтересовались и им.

– Не фальшивый? – спросил я, уже одевшись.

– Надобно проверить, – отвечивал пристав.

Да-с, серьезные господа. Забрали пятиалтынный. Потом, конечно же, живо провели меня в карету. Приехали мы к Цепному мосту, а там уже было много народа и еще привозили.

– Вот тебе, бабушка, и Юрьев день, – сказал кто-то.

А ведь и правда был Юрьев день.

Когда добрались до Петропавловской крепости, мрачной и сырой, когда увидел я серое арестантское платье в пятнах, услышал, как жалобно плачут колокола на Петропавловском соборе, решил, что и трех дней тут не выдержи, помру.

¹⁷ Цитируется по С.В. Белову, «Федор Михайлович Достоевский».

А потом все понял и успокоился. Брат Михаил передал мне книг, Евангелие. Вот тогда-то и открылось мне: за грехи платить надо, и нести свой крест полагается смиренно и покорно, не ропща, без сожаления.

На следственной комиссии обвинили меня в вольнодумстве и чтении письма Белинского к Гоголю, атеистического содержания.

Наверное, ожидает меня Сибирь и каторга. Раз так случилось, то надо смириться. Уныния нет во мне, хотя здоровье расстроилось пуще прежнего...

...В ту ночь отчего-то не сомкнул глаз. А под утро лязгнула дверь камеры, и, вошедши, солдат сказал:

– Для оглашения приговора надлежит прибыть.

Приговор? Скорее бы, скорей! Мочи нет терпеть неизвестность!

Но отчего так долго едем мы в карете? Пересекли Неву, направляемся к Семеновскому плацу. И люди, да, уже различимы, целая толпа на белоснежном, искрящемся от солнца снеге; скрипящий мороз превращает людское дыхание в клубы пара.

С трудом узнал я своих товарищей – «петрашевцев». Бледные, осунувшиеся. В их глазах – страх, и в моих, надобно полагать, тоже. Да как не забояться, когда в центре плаца – эшафот, а подле столбы, и поблизости – солдаты с ружьями.

Сердце мое тревожно замерло. Что-то случится со всеми нами, бедными?

– Отставного поручика Достоевского за участие в преступных замыслах, распространение письма литератора Белинского, наполненного дерзкими выражениями против православной церкви и верховной власти, и за покушение, вместе с прочими, к распространению сочинений против правительства приговорить к расстрелу!

Расстрелу! Слово это мгновенно и обреченно выстреливает прямо в мое сердце. Так вот зачем все это – плац, эшафот, солдаты! Все уж приготовлено, и приговор огласили, стало быть, уже скоро, уже совсем скоро перестану я быть человеком.

Не верю. Не хочу верить, не хочу умирать, Господи, да что же это такое?! Мне всего двадцать семь лет! Так и не сделано мной ничего, не осознано. А сколько времени я потратил, не догадываясь даже, какой дар великий, чудо бесценное – жизнь. Если б только знать! Это каким можно было быть счастливым, сколько понять, столько всего сделать...

Страх и боль разрезают меня на мельчайшие кусочки. Страдания от ран телесных кажутся теперь весьма желанными. Вот если бы только сейчас настоящих ран, забыться в них! Душа же моя, предчувствуя агонию, мучается так страшно, что даже хочется, чтоб все уже было кончено. А потом вдруг появляется радость – так много времени еще есть у меня. И снова страх, снова муки, скорее бы меня уже убили...

Под раскатистый хохот Григорьева («Он сошел с ума, вы видите, точно сошел с ума», – шепнул мне Спешнев) нам раздают белые балахоны и капюшоны.

Раздеваемся. Как жарко мне на двадцатиградусном морозе. Смотрю на сверкающее золото купола виднеющейся вдалеке церкви.

– Nous serons avec le Crist,¹⁸ – слышу я свой голос.

– Un peu poussiere.¹⁹

Спешнев, мой Мефистофель, ты так и не уверовал. Прими, Господи, его душу и... мою? Как же я богат! Неимоверно, бесконечно! У меня так много времени, минут пять. Еще пять минут жизни, пять! Какое бесценное богатство!

Еще ходит по эшафоту священник, дает целовать крест. А там исповедь. А там... я во второй тройке. Меня убьют после, позднее, не сейчас!

¹⁸ Мы будем с Христом (фр.).

¹⁹ Горстью праха (фр.).

Священник ушел, и тотчас на эшафот поднялись солдаты, схватили Петрашевского, Спешнева и Момбелли. Подвели к столбам, привязали. Колпаки уже надвинуты на глаза товарищей, звучит команда «клаг», солдаты направляют ружья.

Мне так больно от всего этого, что я начинаю задыхаться. С ужасом прислушиваюсь. Звонящая тишина воцарилась. Сейчас затрещит, и друзей моих бедных не будет, а после и меня тоже не будет. Нет, не надо! НЕТ!

Я брежу.

Я сошел с ума, как бедный Григорьев.

Я сошел с ума, но... «петрашевцев» ведь и правда отвязывают. Потом я вижу вдруг сваленную перед нами гору тулупов и кандалы.

Лишь после того, как мои ноги сковали стылым железом, приходит радостное осознание: спасен. Мы все спасены! Пусть каторга, пусть Сибирь, но мы будем жить.

Жить, жить, ЖИТЬ!

Какое же, однако, это глубокое счастье. Чудо. Дар...

* * *

– Вы просили принести завтрак к десяти!

Лика Вронская, постанывая, отмахивается от назойливого голоса, пытается спрятаться в тумане сна. Но, как дрель, в воспаленный мозг настойчиво ввинчивается:

– Просыпайтесь. Наверное, у вас дела, надо позавтракать.

– Хорошо, – не открывая глаз, пробормотала Вронская.

Ощущения в пробуждающемся теле ужасны. Голова словно налита свинцом, трещит, раскалывается, горит. Горит... и одновременно мерзнет.

«Ах да, – сквозь обрывки сна вспомнила Лика, – я же лысая, Верочка вчера состригла мои обгоревшие локоны, оставив коротенький „ежик“. В номере прохладно, в Питере прохладно, голове лысой прохладно. А боль – это следствие чрезмерного потребления sake. Теперь понятно, что переборщила. И вообще – писательнице неприлично так надираться. Все задним умом крепки... Сначала хотелось снять стресс, вызванный аварией в прическе. Потом – уменьшить страх перед предстоящими мероприятиями. Ведь общаться с большим количеством незнакомых людей сложно. Журналистские рефлексy непринужденной уверенности, как оказалось, пасуют, буксуют, не срабатывают. Если твои пальцы на кнопке диктофона – ты царь и Бог, задаешь любые вопросы, практически полностью контролируешь ситуацию. Когда же диктофон у твоего рта, когда глаза слепит лампа телекамеры, все меняется. Очень уязвимое положение. Как удар под дых – неожиданная реплика или интеллектуальная ссылка, смысл которой не понять. И вот уже, растерянной, напуганной, хочется удрать. А никуда не деться с подводной лодки, надо „держать лицо“. Впрочем, журналисты – еще полбеды. На встречи приходят странные неадекватные личности, брызжущие злобой и завистью, протягивающие папки со своими бесценными творениями. „Да как ты можешь писать книги, по какому праву?!“ Или: „Ты же писательница – давай, помогай и мне напечататься!“ Таких придурков единицы, но они настолько выбивают из колеи, что десятки приветливых читателей ситуацию не спасают, кровь-то выпита, нервы сожжены. Вот sake помогает об этом забыть. Помогает думать о том, что, может, и есть люди, которых искренне радует плод бессонных ночей, придуманные жизни книжных героев, на которые разменивается твоя собственная...»

– Уже четверть одиннадцатого, а вы так и не проснулись!

Влажное ледяное жуткое прикосновение к плечу мгновенно заставляет Лику совершить множество действий: открыть глаза, натянуть до подбородка одеяло, приподнявшись, облокотиться на спинку кровати.

Лицо портье-вампира выглядит мечтательным, на губах блуждает легкая омерзительнейшая улыбка.

– Спасибо за завтрак, – буркнула Лика, решив не миндальничать с явно посылающим сексуальные флюиды парнем. – Очень мило, что вы меня разбудили.

Вампир переминается с ноги на ногу.

– А может... Хотите, я покажу вам Питер? У меня смена через час заканчивается.

– Спасибо, не надо, – отчеканила Лика. И, насупившись, добавила: – Я очень тороплюсь! Издав вздох-стон, портье бросил на Вронскую печальный взгляд и удалился.

«Бред какой-то, – подумала она, жадно сделав пару глотков крепкого, но уже едва теплого кофе. – Мало того что этот парень – вампир, так он же еще юный вампир. Никогда не понимала взрослых женщин, интересующихся молодежью. На мой взгляд, самое привлекательное в мужчине – мозг. А как парню, который младше, вырастить мозг лучше, чем у меня? Я же этим процессом взращивания мозга дольше занималась! Теоретически, конечно, возможно, что в свете особой одаренности прыщавый выюнош окажется Сократом. Но в реальной жизни я таких не встречала».

После кофе в гудящей голове прояснилось. Очень захотелось перекусить, но Лика, с тоской покосившись на омлет, поставила поднос на столик. Непонятно, как молодых людей с такими жуткими руками принимают на работу. Возможно, это не кожное заболевание, а хроническая небрежность. Но есть еду, приготовленную вампиром, невозможно даже при сильном голоде!

К приходу Ирины Вронская успела принять душ, надеть бордовый джинсово-вельветовый брючный костюмчик. И нанести макияж, не очень яркий, но все же свидетельствующий, что презентация нового романа – событие далеко не рядовое.

– Слушай, да ты цветешь и пахнешь! – изумилась Ира, оглядывая Вронскую. – А вчера, солнце, ты была в таком состоянии, что я думала, полдня потратим на реабилитационные процедуры. Впрочем, временем сегодня мы располагаем, так что я уж тебя не ограничивала в твоём единении с sake. Как тебе новая прическа? Привыкла?

Вронская подошла к зеркалу. Конечно, непривычно, когда от шевелюры значительно ниже плеч остается символический кустик. Но волосы же отрастут. К тому же сушить и укладывать феном такую стрижку не надо. А еще, пожалуй, практически бритый череп делает большие зеленые глаза и вовсе огромными, подчеркивает высокие скулы. Сойдет!

– Все, что ни делается, к лучшему, – философски провозгласила Вронская, и ее вдруг забурчавший от голода живот выразил с этой мыслью полное согласие.

Ирина понимающе улыбнулась.

– Ты тоже не завтракала?

– Не смогла. А экскурсию по Питеру тебе вампир предлагал совершить?

Бренд-менеджер кивнула, и Лика расхохоталась:

– Бедный наш вампир! Никто его не любит. И вот он широко раскидывает сети, надеется поймать хоть одну маленькую рыбку!

– Давай собирайся, – распорядилась Ирина. – И пойдем завтракать. Думаю, суши-бар посещать не стоит, да?

Тошнота так отчаянно заплескалась в горле, что Лика замотала головой. Никаких суши, и, конечно же, никакого sake!

Ирина, явно успевшая накануне изучить окрестности возле гостиницы, быстро привела Вронскую в симпатичную пиццерию. И, еще не дождавшись заказанной лазаньи, принялась рассказывать о планах на сегодняшний вечер.

Получалось, что ничего особо серьезного делать не придется. Сказать пару слов о новом романе, подписать желающим книжки. И пригласить всех присутствующих выпить по бокалу шампанского. Стол с закусками будет накрыт прямо в здании, где торгуют книгами. Район там

промышленный, ни кафе, ни ресторанчиков поблизости не имеется, а что это за презентация без шампанского! Во время фуршета, продолжала Ирина, можно дать интервью. На встречу уже приглашены журналисты парочки печатных изданий и городского телеканала.

– Конечно, хотелось бы более высокого уровня представительства телевидения. Но додушить корпункты центральных каналов у меня не вышло, – сокрушенно заметила Ирина, изящно расправляясь с лазаньей.

Вронская недоуменно хмыкнула. С обликом бренд-менеджера совершенно не вязалось слово «додушить». Впрочем, тем больший шок, должно быть, возникает у тех, кто имеет с Ириной дело. Пораженные перевоплощением «тургеневской девушки» в сурового гестаповца, они явно выполняют все Ирины просьбы. Ну, или большинство...

«Организуя такое мероприятие, я бы с ума сошла, – думала Лика, с удовольствием доедая лазанью, готовили в этом заведении изумительно. – Я бы боялась, что не придут люди, не привезут спиртное или банально не хватит закусок. Впрочем, чего мне за Иру переживать. Мне о себе самое время побеспокоиться, мандраж уже начинается конкретный».

Ирина предложила пройтись перед презентацией по магазинам, но Вронская отказалась. Признаваться, что ей там совершенно не интересно, к тому же от стресса она рискует закупить десять пар джинсов, а ими уже и так весь шкаф забит, не хотелось. Поэтому Лика решила прикинуться девушкой культурной и предложила посмотреть достопримечательности.

– Здесь рядом Владимирская церковь, музей Достоевского, – откликнулась Ирина и лукаво усмехнулась. – Вроде кто-то в интервью всегда говорил, что Достоевский – любимый писатель?

Вронская кивнула, с удивлением отмечая, что привычные кудри больше не скользят по плечам.

– Любимый, это правда. Но я сейчас совершенно не готова к походу по святым местам русской литературы.

– А к чему готова?

– Мама! – скорчив гримасу, выкрикнула Лика. – Роди меня обратно!

Ирина нервно застучала пальцами по столу.

– Не нравится мне твое настроение.

– Оно мне самой не нравится.

– Тогда, – в голосе Иры зазвенели стальные нотки, – мы закажем десерт. Не надо так на меня смотреть! Мы закажем десерт, фиг с ними, с калориями, тебе надо сладкого.

– Да не люблю я, – взмолилась Вронская. – Конфеты «Дежавю» – честное слово, единственная моя слабость. Можно я кофе со сливками возьму? Он тоже сладкий!

– Можно, – смиростивилась бренд-менеджер и пододвинула к себе сотовый телефон и ежедневник. – Закажем по кофейку и будем работать. Мне нужно сделать пару звонков. А ты составляй план своего выступления.

Вронская недовольно забурчала:

– Слушаю и повинуюсь...

* * *

– Та-ак... И что все это значит? – растерянно поинтересовалась Вера, появившись в спальне. – Ты решил именно сейчас перебрать все вещи из своего гардероба?

– Да ты мне дашь спокойно собраться или нет?! – рассвирепел Влад и, отбросив черный свитер от Marni, с ужасом осознал, что шкаф пуст, одежда свалена на кровать, а надеть на презентацию романа Лики Вронской совершенно нечего.

Вера негодуя хмыкнула и с треском захлопнула дверь. Потом до Влада донеслись сдавленные рыдания, от которых стало и вовсе тошно.

Он не глядя вытащил из горы одежды пару тряпок. Под руку подвернулись злосчастный свитер от Marni, темно-коричневые вельветовые джинсы Dior Homme.

«Не самое лучшее сочетание, – решил Влад, бросив взгляд в зеркало, – но мы опаздываем. И Вера опять злится. Но я не знаю, как объяснить весь этот бардак и свое волнение. Не знаю и не хочу. Сейчас для меня важно только одно...»

...Вчера Вера закончила делать вечернюю укладку и, устав от долгих попыток вытянуть сильно выющиеся волосы клиентки, убежала покурить на балкон. А Влад прикидывал, как раскрутить продюсера на новый синтезатор с большим количеством тембров и чувствительными клавишами. И одновременно думал о том, что он – все же, наверное, редкостная свинья. Потому что у него кризис, для нового альбома нужна песня. Но в голову ничего путного не приходит. Вдохновение, увы, с Верой не связано. Но они больше десяти лет вместе, и это любовь. Только творчеству от этого ни горячо, ни холодно. Это чудовище питается только новыми эмоциями. Ходить «налево» – мучить Веру. Не мучить Веру, не кадрить новых девчонок – не писать песен. Но песни-то писать хочется! Замкнутый круг какой-то...

В салоне тем временем нарисовалась примитивная, как дешевая гитара, администратор Алла и затрещала:

– Девочки, кто поедет спасти писательницу Лику Вронскую?

Какая-то часть сознания еще ориентировалась в ее непринужденном трепе: надо ехать в гостиницу, добраться до салона клиентка не может, потому что у нее обгорели волосы, и на завтра ее записать нельзя, у Лики презентация. Пусть едет Вера, по записи к ней сейчас никого нет, тем более и водитель персональный у нее имеется, да еще какой!

Но это была совсем маленькая часть. В ушах взрывалась невообразимая какофония, перед глазами лихорадочно метались судорожно неуловимые слова.

Ее имя. Просто ее имя – и началась болезнь. Такого никогда раньше не было.

Песни приходят иначе. Сначала в сознании вспыхивает яркий визуальный образ. Человек, клочок города, природа – да что угодно. Он вспыхивает и практически одновременно начинает *звучать*. И понеслось! Пластинка лейтмотива прокручивается в голове, прокручивается, перерастает в мелодию. С мелодией интересно. Ей подбираешь аранжировки, в нее нарезаешь слова текста, и проигрываешь, и напеваешь.

Но имени мало.

А песня почему-то уже есть, мучительно красивая, может, даже самая лучшая. Она есть, но строптивая мелодия не улавливается, слова ускользают, и очень больно бежать за призраком, а не бежать не получается...

Бедная Вера, как она вчера измучилась! Сначала ей пришлось пообещать, что она попросит у Лики приглашение на презентацию. Потом выслушать критику по поводу слишком короткой стрижки.

– Да не могла я ничего, кроме «ежика», ей сделать, у нее полголовы выгорело! – всхлипывала она в машине.

– Можно было сделать асимметричную стрижку! – кричал Влад.

Кричал и... пугался. Отчего-то было очень жаль ее состриженных волос. И безумно хотелось спросить, как Лика выглядит. А еще почему-то казалось, что нельзя лететь, как мотылек, на огонь странного имени. Нельзя. Но не остановиться.

Проклятая музыка...

Невыносимо прекрасная непойманная песня...

Неизвестное лицо...

Ночью, дождавшись, пока Вера уснет, Влад выскользнул из постели, включил ноутбук, дрожащими руками набрал в «картинках» гугля: Лика Вронская. И счастливо улыбнулся. У песни, оказывается, зеленые глаза...

...– Влад! Мы едем или нет?!

Ему хотелось сказать: «Мы не едем, а летим!»

Но заплаканное личико Веры выглядело таким несчастным, что невольно напрашивался вывод: лучше бы вчера он не приезжал к ней на работу. И пребывать в счастливом неведении относительно заворачивающего имени и его обладательницы...

* * *

Виктор Шевелев медленно ехал по улице, стараясь не упустить из вида тонкую девичью спину, обтянутую бордовой курточкой. Мощный «Ауди А8» недоуменно гудел, выражая явный протест против действий хозяина, и не думаящего переключаться с третьей передачи.

Водитель с досадой морщился, и сам до конца не понимая, с чего ему понадобилось шпионить за собственной супругой. А потом вдруг вспоминал, как изменилось вчера ее личико, и скрежетал зубами в бессильной злобе. Неужели девчонка завела себе любовника?

Нет, рассуждал Шевелев, любовник у нее в прямом смысле этого слова появиться бы не успел. Вчера Элен вернулась домой в каком-то странно-задумчивом настроении и сразу же сообщила, что завтра в клуб не пойдет, так как собирается на презентацию нового романа Лики Вронской. Дескать, была у косметолога, та рассказала ей о том, что на книжную ярмарку приедет московская писательница. А книги этой Вронской читаются взахлеб, и надо взять автограф. Ну и вообще, любопытно посмотреть, какая писательница в жизни.

Комната супруги действительно завалена книгами в ярких обложках. Но – слишком много объяснений, и эта решимость в глазах, сделавшая вдруг изученное до малейших черточек лицо таким чужим... В салоне, впрочем, Элен действительно была, на всякий пожарный пришлось проверить. Точно была. Неужели она там с кем-нибудь познакомилась? Возможно, мужчины тоже стригутся, ходят на массаж, делают маникюр...

«Мне тридцать семь, а ей всего двадцать, – напомнил себе Виктор. – Конечно, я контролирую каждый ее шаг, каждое действие. И вот все же моя девочка от меня ускользает. Надо разобраться, в чем дело. Жить с рогами – что может быть глупее?! И это ведь тем более обидно, что, несмотря на тотальный контроль, Элен свободна, живет полной жизнью и уже получает от этого удовольствие. Главным в наших отношениях, я ей это еще перед свадьбой сказал, будет честность. Но жена что-то явно скрывает! Годы занятия бизнесом вырабатывают колоссальную интуицию. И эта интуиция со вчерашнего дня твердит: „Здесь что-то нечисто“».

Элен остановилась у цветочного ларька, выбрала охапку солнечно-желтых хризантем и, зажав букет под мышкой, задышала на покрасневшие ладошки.

С цветами – ну, значит, точно на презентацию!

«Опять перчатки забыла, Маша-растеряша, – улыбнувшись, растроганно подумал Виктор. – И машину водить не хочет, вот глупая. Сколько раз ей говорил, давай куплю тебе симпатичный девичий джипик. Не хочет. А мерзнет ужасно. Сейчас вот, я на сто процентов уверен, ни за что не обернется. Ветер в спину, и оглядываться, лицо ему подставлять? Нет, даже мысли не возникнет, уверен».

Словно подслушав его мысли, жена втянула голову в плечи и быстрым шагом устремилась вперед.

Шевелеву уже хотелось развернуться и уехать. Или же, догнав супругу, эффектно притормозить и предложить составить ей компанию. Но неожиданно пришедшая в голову мысль снова мучительно загоняла желваки.

А если вчера Элен все-таки познакомилась с мужчиной? И на презентации они договорились встретиться? В самом-то деле, где еще Элен встречаться с мужчиной? В ресторанах все знают, чья она жена. В клубах тоже риск наткнуться на знакомых велик. В магазине – не романтично. Театр, кафе – рискованно, потому что если вдруг заметят приятели, то их никак

не убедишь, что находящийся рядом парень – случайный знакомый. А вот книжная ярмарка – совсем другое дело. Но – все же боится, опасается, потому и цветы купила, для отвода глаз.

Негромко ругаясь под недовольное ворчанье автомобиля, Виктор доехал до вытянутого двухэтажного здания, убедился, что Элен поднялась по ступенькам. Проехав чуть вперед, он заглушил двигатель и задумался.

Внутри идти нельзя – жена заметит. Можно ждать здесь, рассчитывая, что если у Элен встреча с мужчиной, то уж выйдут они, скорее всего, вместе.

Но если нет? Потратить кучу времени, перенести встречу с деловым партнером – и продолжать оставаться в неведении, мучиться подозрениями, горькими, изматывающими?

«Надо искать служебный вход. Должен быть какой-то вариант, который позволит мне узнать, что же происходит внутри помещения, – решил Виктор и вышел из машины. – Где здесь у нас торговцы книгами? Уж они-то должны иметь полную информацию об инфраструктуре здания!»

* * *

Репортаж с презентации должен получиться забойным. Это Артур понял, быстро оглядев главную героиню действия. На фотографиях в Интернете Лика Вронская выглядела симпатичной блондинкой. В Питер же прибыло практически лысое создание с лихорадочно блестящими глазами. Вдобавок писательница, поднимаясь по лестнице, чуть не шлепнулась. Вместо шампанского хорошенькая девица, следовавшая за писательницей по пятам, как цербер, незаметно подливала Вронской минералки. То есть это девица думала, что незаметно. А от зоркого журналистского ока все равно не скроешься. Фотограф Кирилл тоже обратил на это внимание. Предварительно отключив вспышку, ловко запечатлел для истории. Галка будет довольна!

«Лысая, неуклюжая». Или, может даже, «Лысая и подшитая»? Вот какой-то такой напращивался заголовок...

Заметив в толпе любителей бульварного чтива лицо того самого человека, Артур повеселел еще больше. Источник информации уже здесь! Сейчас надо еще немного потусоваться возле Вронской, а потом уединиться и все обсудить. Информация у этого человека – пальчики оближешь! Можно не сомневаться, фактура для нового расследования будет преотличная!

Репортаж, расследование... Ерунда, бред. Все это – мелочи, которые не стоят ровным счетом никакого внимания.

А все внимание – ей, только ей, безусловно! Какая красавица! Высокая, стройная. Чистые, печальные глаза. Длинные светло-русые волосы. Она бесподобна!

Артур наблюдал за приблизившейся к Вронской девушкой с охапкой желтых хризантем в руках. И немел от восторга, и понимал, что надо обязательно подойти и познакомиться. Потому что если вдруг девушка исчезнет, то он никогда себе этого не простит. Но ноги стали ватными. Слова, которыми он всегда вертел ловко, как жонглер шариками, безнадежно, катастрофически закончились.

И – вот ужас, беда! – на безымянном пальце красавицы кольцо, похоже, что обручальное. – Не пялься на нее, – вдруг раздалось над ухом.

Артур обернулся и присвистнул. Обычно всегда такой приветливый фотограф мрачно смотрел исподлобья. И даже голос у него изменился!

– Кирюх, ты чего? Что вылупил, как Ленин на буржуазию?

– Я сказал, не пялься на нее!

– Ты ее знаешь?!

– Это неважно!

– Ну, ты даешь! Да ты совсем того!

Артур демонстративно покрутил пальцем у виска и стал протискиваться к тому краю стола, куда с бокалом шампанского переместилась бесподобная девушка.

«Поинтересуюсь ее мнением про Вронскую, скажу, что тоже обожаю детективы, – прикидывал Артур, – потом расскажу о своей работе. Про мужа сразу спрашивать нельзя, наверное».

Он уже стал рядом, уже открыл рот, чтобы завязать непринужденную беседу. Но выразительное лицо красавицы вдруг заслонил стремительно приближающийся кулак, и из глаз посыпались искры. Не удержав равновесия, Артур упал. Было не очень больно, но очень обидно!

– Что здесь происходит? Лучше места не нашли для выяснения отношений? – заверещала девица-церберша.

– Извините, – буркнул где-то рядом коварный Кирилл. Судя по всему, фраза его предназначалась церберше, а не непонятно какого лешего избитому коллеге!

«Я с тобой, сукин сын, потом еще посчитаюсь», – со злостью подумал Артур и огляделся по сторонам. Бесподобный ангел, к счастью, не исчез, лишь отошел подальше, на другой конец стола.

«Выпью шампанского, – решил Артур, ощупывая переносицу, – а потом все равно с ней познакомлюсь. И миллион Кирюх меня не остановит!»

* * *

Справиться с волнением не получалось. Лика Вронская пыталась улыбаться, подписывала книги, знакомилась с читателями – а внутри все дрожало от напряжения. И упреки скрипели, как рассохшиеся половицы в старом доме.

Это же надо, какие коварные в этом городе ступеньки – высокие и крутые. Ладно, когда едва удерживаешься на ногах перед дверью мини-отеля. Но чуть ли не падать у входа в зал, где будет проходить презентация, – это уж вообще ни в какие ворота!

Хотя организовано мероприятие безукоризненно. В большой комнате на втором этаже убрана часть прилавков и стеллажей с книгами. Просторно, удобно, есть где пообщаться людям. Фуршетный стол сервирован прилично. Народу пришло множество, даже пришлось внести некоторые коррективы в сценарий Ирины, вернуться из-за фуршетного стола к столику со стопками романов. Люди требовали автографов, а подписывать книги на ногах – удовольствие ниже среднего. И – Лика покосилась на уже поставленные в непонятно откуда появившуюся вазу хризантемы – даже цветы, причем любимые, подарили. Интересно, их принесла специально обученная бренд-менеджером девушка или действительно читательница-поклонница?

– Подпишите и мне книгу, пожалуйста. Меня Алексей зовут. Я торгую детективами, и вы знаете, у вас очень хорошие продажи. Я сам тоже читал ваши книги, очень понравилось!

– Спасибо! – Лика выводила автограф, пряча улыбку. Парень смешной, нескладный, в очках, с дредами. С ума сойти можно – такой читатель! – Знаете, так приятно это слышать. Приятно и странно.

– Почему странно? – краснея, поинтересовался молодой человек.

– Потому что свою работу объективно оценивать невозможно. Один и тот же собственный роман кажется то очень талантливым, то совершенно картонным.

– И мне тоже подпишите, пожалуйста. Для Татьяны.

Лика искоса посмотрела на подошедшего мужчину с интеллигентным лицом, на котором, впрочем, читалась снисходительность.

«Понятно, – решила она. – Книжку для жены или подруги купил. Страсть к детективам этим дядечкой категорически не одобряется».

Вронская собиралась сказать симпатичному, но не очень-то приветливому мужчине что-нибудь душевное, но не успела. Возле фуршетного стола раздалась какая-то возня, взвизгнула Ирина. Но за спинами людей было совершенно ничего не видно.

– Один мужик съездил другому по морде, – удовлетворенно прокомментировал Алексей. – Кажется, вечер перестает быть томным!

Дядечка недоуменно пожал плечами:

– Лешик, вот уж не думал, что ты читаешь что-нибудь, кроме детективов!

– Дядя Валера, я вас умоляю! Ильф и Петров – это ведь классика.

– Ох, только мордобоя мне не хватало, – вырвалось у Лики. – Представляю, что напишут газеты. Мне бренд-менеджер говорила, что она приглашала журналистов.

– Знаете... – Алексей снял очки и прищурился, – да, точно, именно журналисту-то и съездили по морде. Вот, за нос держится. Я этого парня знаю, у него книжка вышла. Сборник статей-расследований, кажется, в Питере издавался. Дядь Валера, правильно? Вы же его книгу продаете?

– Лешик, я не помню. Я же редко сам на точке стою. Как называется его книга?

Окончания беседы Лика уже не уловила. К столу, за которым она сидела, подошла парикмахер Верочка в компании симпатичного парня лет тридцати.

– Поздравляю с проведением презентации! Все очень мило. – Вера натянуто улыбнулась. – Познакомься, а это Влад. Большой поклонник твоих книг.

«Ах да, она же говорила, что придет со своим бой-френдом, – вспомнила Лика, изучая лицо молодого человека. Оно привлекало внимание скорее не идеальными чертами, а безудержной светящейся радостью. – Как-то он совершенно неправильно на меня смотрит. И мне кажется, что я его уже видела раньше».

– Привет, Вера, здравствуйте, Влад. – Секунду поколебавшись, Лика решила не отказывать себе в желании поерничать. – Влад, а какая из моих книг вам понравилась больше всего?

– Все, – быстро сказал парень и, скосив глаза, принялся читать названия лежавших на столике романов.

Когда он дошел до последнего детектива, который только на днях поступил в продажу, Лика скептически ухмыльнулась. Что же здесь все-таки понадобилось «большому поклоннику книг»?

Но вывести странного Верочкиного приятеля на чистую воду она не успела. Возле фуршетного стола опять стало шумно, кто-то истошно закричал:

– Помогите, человеку плохо!

Истерия нарастала.

– Господи, он не дышит!

– Пропустите, я врач!

– Я видел, он шампанское пил! Да оно «паленое»!

– Дурак ты, «паленого» шампанского не бывает!

Алексей нетерпеливо дернул Лику за рукав.

– Вы видите, опять журналист... Да что с ним сегодня?

Услышав, что коллеге плохо, Лика мигом очнулась от оцепенения. Не хватало ей еще скандала с прессой!

Она бросилась вперед, и в голове вдруг промелькнула безумная мысль. Тот самый экшен, о котором она болтала с Ирочкой? Но она бы, наверное, предупредила...

– Пульса нет, – произнес сидящий на корточках перед распластанным телом мужчина. В воцарившейся тишине его голос звучал неожиданно громко и тревожно. – Боюсь, это все...

Лика вдруг поймала Ирин взгляд. В нем словно орали и вопили ужас, изумление, непонимание. И никакого придуманного экшена, все по-настоящему, к сожалению.

– Вызовите «Скорую» и милицию, – прокричала Вронская и бросилась к двери. – Алексей, быстро сюда. Следи, чтобы никто не выходил до приезда ментов! Другие двери есть? Валерий, Влад, Вера, кто-нибудь! В торец зала, живо!

* * *

Мир превратился в гигантского ежа, ошетинился иголками и угрожающе вплотную приблизился к прокуратуре. Это Валентин Николаевич Гаврилов осознал совершенно отчетливо. Только он расположился в своем кабинете, мечтая о тихом спокойном дежурстве, которое плавно перетечет в распитие припасенной дома «чекушечки», и вот тебе, пожалуйста. Звонят из отделения, говорят, на книжной ярмарке то ли убийство, то ли скоропостижная смерть. Но – переполох жуткий, покойничек имеется, поэтому извольте, дорогой дежурный следователь, оторвать поскорее пятую точку от стула и прибыть на место происшествия.

Охарактеризовав мир-ежа, книжные ярмарки и непонятно почему оказывающиеся там трупы в далеко не литературных выражениях, Гаврилов вызвал машину. Потом позвонил в кабинет, где обычно находился судмедэксперт, и снова заматерился. Правда, уже мысленно. Оказывается, дежурить выпало в паре с Андреем Соколовым. А он такой, его обругай – за словом в карман не полезет. Причем ладно бы, паразит, в глаза все высказывал. Так он что сделал с его направлением на экспертизу?! Да, случайно вкралась досадная ошибка. После распития в ночи «чекушечки» такое бывает. Ну, получилось, труп мужской, формулировка вопроса для разрешения экспертом: «Имеются ли во влагалище следы изнасилования?» И вот этот урод пишет в акте вскрытия: «На трупе мужского пола следов женских половых органов, в связи с чем и следов изнасилования не обнаружено». А потом еще ксерокопию у себя в бюро на доске объявлений вывешивает. Чтобы никто не остался в неведении относительно того, что следователь Гаврилов прокололся! А что отвечает на его возмущение? Вы, Валентин Николаевич, все чаще обнаруживаете признаки самого настоящего алкоголизма. Вы, говорит, не можете нормально исполнять свои обязанности. Вам требуется помощь специалистов, и я с удовольствием порекомендую вам хорошего нарколога! Нарколога! Как заправскому алкоголику! Тоже, понимаешь, алкаша нашел! Ну, прикладывается иногда к «чекушечке». Имеет право. Жена к другому ушла, сына забрала. Жена вроде и старая, и толстая, и вообще дура дурой, ни поговорить, ни в койке покувыркаться. А ушла – и пусто так стало. Но в любом случае это не алкоголизм, а жизненные неприятности. К которым следовало бы отнестись с пониманием. Или уж по крайней мере не потешаться и не оскорблять!

– Никакой я не алкоголик, – пристально изучая в зеркале свое одутловатое лицо, сказал Гаврилов. – Глаза покрасневшие – устал, не выспался. Побриться забыл, щетина седая вылезла – так это даже модно. Надо отдохнуть – и все будет в норме. Но отдохнешь тут с таким началом дежурства, как же, как же!

Следователь накинул потертую коричневую кожаную куртку, запихнул в портфель папку с бланками и бумагой и, еще раз ругнувшись, потащился к машине.

Андрей, как назло, выглядел свежим как огурчик и даже благоухал на все «Жигули» одеколоном. Поздоровавшись сквозь зубы, он демонстративно уставился в окно.

«Хрен с тобой, не хочешь разговаривать – не надо, – подумал Валентин Николаевич, закуривая сигарету. – Тоже мне, понимаешь, борец выискался за здоровый образ жизни».

И назло Соколову завел разговор с водителем о том, какая водка лучше.

На книжной ярмарке уже вовсю кипела работа. Милиционеры организовали оцепление, за которым просматривалось лежащее на полу тело, криминалист откатывал пальцы у потерянных книголюбов, участковый беседовал с какими-то девушками, одна из которых была лысой. Впрочем, увидев следователя, участковый тут же подошел и бодро доложил:

– Личность покойного установлена – Артур Крылов, штатный журналист «Желтой газеты». Как показали свидетели, перед смертью на него напал фотограф из этой же газеты, Кирилл Матюшин, ребята уже доставили его в отделение. Также в отделение отвезли людей, у которых не оказалось с собой документов. Всех присутствующих переписали, вот список.

Взяв листы – много и все исписанные, не везет так не везет, – Валентин Николаевич с тоской посмотрел на стол, уставленный бутылками с шампанским, вздохнул и пробормотал:

– Так что, тяжкие телесные?

Милиционер покачал головой:

– Не похоже. У парня даже ссадин на лице нет, только синяк, едва заметный. Свидетели рассказали, что после драки Крылов отошел в сторонку – дух перевести, шампанского выпить. И через пару минут вдруг упал. Бокал, из которого он пил, мы изъяли. Шампанского немного осталось, оформите на экспертизу. Говорят, журналист не закусывал, не успел, но еду тоже на всякий пожарный надо бы проверить, образцы взяли.

«Что они все меня учат жизни? – подумал Гаврилов, неприязненно поглядывая на бодрого и, судя по всему, абсолютно равнодушного к батарее бутылок с золотистой фольгой на горлышках милиционера. – Учат, подсказывают. Достали!»

Он развернулся, перешагнул желтую заградительную ленту и с досадой закусил губу. Погиб совсем мальчишка, лет тридцати, тридцати пяти – максимум. В открытых глазах – искреннее удивление. И да, участковый прав, если его и побили, то не сильно, внешне, во всяком случае, следов не осталось.

– Андрей, что тут у нас?

Сидящий перед трупом эксперт поднял голову и недоуменно пожал плечами.

– Не знаю, Валентин Николаевич, даже не знаю, что сказать. Никаких серьезных повреждений на теле. Признаков отравления тоже не вижу, состояние слизистых в норме, запах отсутствует. Может, скоропостижка. Но это же потом выяснится, после вскрытия, анализов, изучения медицинской карты. Сейчас ничего конкретного сказать не могу, увы.

«Ты сам со своими обязанностями не справляешься», – злорадно подумал следователь и, расположившись на стуле, спиной к заманчивым темно-зеленым бутылкам, достал протокол осмотра места происшествия.

Вездесущий участковый тут же оказался рядом, продиктовал обстоятельства обнаружения трупа и убежал за понятыми. А Валентин Николаевич нагнулся, поднял лежащий на полу портфель. Судя по тому, что темно-коричневая кожа уже была покрыта черным слоем порошка, портфель этот принадлежал покойному и криминалист свою работу уже завершил.

Следователь шелкнул замком, вытащил кипу каких-то газет.

– Вот, и статья про роман Достоевского! И сам он книги про Достоевского покупал, – раздалось прямо над ухом.

Валентин Николаевич, изучавший до этой ремарки, сопровождавшие фото внушительного бюста солистки группы «Девки», сразу же обратил внимание на заголовок по соседству – «Неизвестный роман Достоевского?».

– Я все видел и все расскажу, – верещал тем временем лохматый длинноволосый отрок.

«Лучшего понятого найти, конечно, было нельзя», – с тоской подумал Валентин Николаевич. А вслух сказал:

– Рассказывайте, что вы там видели!

Факты, которые изложил возбужденный мальчишка, Гаврилову совершенно не понравились.

Получалось, что Крылов якобы получил информацию о том, что в Питере находится неизвестная рукопись романа Достоевского. Из-за которой уже погибли люди – иностранный издатель и питерский профессор, специализировавшийся на творчестве Достоевского. Как человек, не шибко разбирающийся в творчестве классика, Крылов отправился на книжную

ярмарку и купил кучу книг про творчество Федора Михайловича. Желал выяснить мнение литературоведов, так был ли мальчик, то бишь тот самый неизвестный роман, из-за которого весь сыр-бор разгорелся. На выставке, кстати, журналист и познакомился с некоторыми продавцами книг. Им и пожаловался: информации мало, и она очень противоречива. Но все же сумел провести расследование и напечатать статью.

– И ее ему не простили, – заключил мальчишка, нервно теребя свою странную прическу, здорово напоминающую взрыв на макаронной фабрике.

Гаврилов посмотрел на газету и нахмурился. Дата выхода статьи про Достоевского – июль 2007 года. Получается, не очень-то торопились рассчитываться с Крыловым за пламенную публицистику. Да и кому рассчитываться? Достоевскому? Это же смешно!

– Вы знаете, я тоже склонен полагать, что из-за этой статьи его могли убить, – подал голос стоявший рядом с парнем мужчина немногим за пятьдесят. – Хотя журналист в принципе специализировался на расследованиях, даже издал книгу своих статей, так что обиженных им могло быть много. Однако видите ли, какая штука... Сам я книгами редко торгую, я хозяин точки. Но, пока мы ждали приезда милиции, позвонил своему продавцу. И Светлана вспомнила этого парня. Он жаловался, что после выхода статьи именно про Достоевского за ним стали следить.

– Да сто пудов! – перебил мужчину парень. – И на выставке его могли караулить. Не знаю почему. Может, в редакции охрана строгая. Но у нас последние дни ошивался один такой тип подозрительный. Конь в пальто, блин. Ничего не покупал, только глазами зыркал.

– Так ты... тоже обратил на него внимание?

– А то! Дядя Валера, он жутко подозрительный типчик!

– А мне показалось...

От треска не в меру разговорчивых понятых у Валентина Николаевича заболела голова. Да пошли бы они все со своими предположениями! Вот только не хватало ему геморроя выяснять, из-за какой статьи шлепнули журналиста. Он их написал, наверное, вагон и маленькую тележку!

Но потом следователь вспомнил, что Соколов все же при осмотре тела признаков насильственной смерти не обнаружил. Вот было бы хорошо, если бы у мальчишки имелась какая-нибудь зловредная болезнь, которая в конце концов его и доконала. Тогда можно быстро оформить бумажки и не отвлекаться от «чекушки». И никакой он не алкаш, что бы Андрей ни говорил. Имеет, как говорится, полное право иногда расслабиться...

* * *

Валера задерживается уже на час. Он еще вчера сказал: «Приду в восемь, принесу книжку с автографом». Что же такое автограф? Знакомое слово. Но нет, не вспомнить. А книжки – это хорошо. В них любовь и приключения. Финал – обязательно счастливый. Злые преступники наказаны. Добрые люди счастливы. В настоящей жизни, не книжной, все совсем по-другому. Там очень больно, страшно и несправедливо. Только захлопнулась дверь в память. И стало не больно. А даже спокойно. Почти. Иногда все же пронесется по памяти молния. Высветит красивое мужское лицо, два детских личика. Правда, потом комната меняется. Вот эта, с книжными полками, почему-то вдруг пропадает. Появляется какая-то другая, со скрипучей кроватью вместо дивана, с крашеными унылыми стенами. Вместо Валеры в нее уже приходит какой-то человек в белом халате. У него в руках небольшая штучка с острой иглой. Иголку надо терпеть. Потерпишь, потерпишь – и снова комната меняется. Глядишь, а в ней уже и есть Валера. Пореже бы вспоминать те лица, мужское и детские. После иголки голова чумная, и перед глазами все плывет. Лучше уж не вспоминать.

Валера – хороший. Он готовит еду, приносит книжки, водит гулять в Летний сад. Правда, часто уходит. Говорит, что на работу. Но тогда он посылает записочки в маленькую черную коробочку с круглыми кнопками. На записочки можно отвечать, Валера научил, это совсем несложно.

Восемь – это два кружочка. А сейчас стрелки часов уже возле кружочка с хвостиком. Это девять. Значит, Валера задерживается на час. Он никогда так не делал. Ах да, точно! Иногда ведь бывают праздники. И тогда Валера приносит подарки в красивых ярких бумажках с золотистыми ленточками. Самый лучший праздник наступает, когда на улице холодно и лежит снег. Правда, иногда снега нет, а елку Валера все равно приносит и достает красные шары из коробок, а еще разноцветные лампочки. Но сейчас елки нет. Значит, будет другой праздник. На который Валера покупает торт, а в нем свечи. Все свечи надо задуть. Но как-то погасли не все, одна осталась. А подарки Валера дал.

Интересно, вдруг он уже кое-что купил для нее? Валера думает, что она совсем ничего не понимает. А она-то все понимает. Подсмотрела: есть такая маленькая палочка, лежит в вазе. И ею открывается дверца. За которой Валера хранит деньги. И иногда – подарки.

Странно, но подарков почему-то нет. А есть... что здесь у нас есть? Фотографии. Да ну их, а вдруг там те лица, после которых иголка. И еще есть книжка! Но странная. Не детектив, те в других обложках. Плотный бордово-черный переплет, рамочка, а в ней золотыми буквами написано: «Коран». Коран? Коран, Коран... Ох, тот же мужчина ведь его читал, и она тоже его читала, ох, нет, нет!

К зазвонившему телефону Татьяна мчалась как к спасению.

Думать о звонке. О телефоне – вот ведь и название сразу вспомнилось. И еще начинают вспоминаться злые автоматные очереди, протяжный гул самолетов, крики...

– Сестренка, я задержусь. Ты не волнуйся, скоро буду. Что ты делаешь?

– Я искала подарки, – честно сказала Татьяна. – А нашла что-то другое, плохое. Но только уже не помню.

– Не ходи больше в зал, родная. Иди в спальню и жди меня. Ты поняла? Повтори, что надо делать.

Она послушно повторяет. Потом осторожно кладет телефон на кресло и быстро уходит в спальню.

Молний в памяти больше нет. Это главное. А брат скоро придет.

Глава 3

Весьма мне делалось неловко, когда добрый мой приятель, стряпчий уголовных дел Александр Егорович Врангель, приходил нанести мне визит.

Едва стало дозволено покинуть казарму, нанял я здесь, в Семипалатинске, комнату в бревенчатой избе. Обстановки самой скромной, а еще вдобавок блох и тараканов в изобилии. Хозяйка при первой встрече показалась мне доброй женщиной, однако вскоре понял, что она бесстыднейшим образом приторговывает молодостью и красотой своих дочерей, шестнадцати и двадцати лет.

И вот, общество сомнительнейшее-с, в комнате зуб на зуб от холода не попадает. Александр Егорович же, добрейшей души человек, ничуть не смущается.

– А что, Федор Михайлович, – говорит он, грея руки о чашку крепчайшего чая. В комнате моей печь чадит, но тепла не дает. – У меня, пожалуй, и осознать не получается, как такие люди, как вы, в каторгу-то попали?

Меня уже не удивляют смелые его речи. Помню, когда передали мне, что новый прокурор желает видеть для знакомства рядового Сибирского 7-го линейного батальона Достоевского, даже страшно сделалось. А ну как еще какую вину отыщут. Потом успокоился, дальше киргизских степей не сошлют ведь.²⁰ Мы сблизились с Александром Егоровичем мгновенно, он даже представил меня губернатору, и принимали-с бывшего каторжника.

– В каторгу я попал в некотором смысле справедливо. То, что против людей замышляется, должно быть наказано. А народ никогда не одобрял того, к чему мы стремились.

На красивом лице Врангеля, с пышными бакенбардами и проницательными темными глазами, отразилось такое сильнейшее изумление, что я пустился в пояснения:

– Нас, дворян, хоть и разжалованных, в остроге пуще всех не любили. Казалось бы, вот убийцы, злодеи, душегубы, каких свет не видывал. Деток малолетних, родных мать-отца, да мало ли еще кого они со света сживали. И – мы, для Отечества, для людей стремившиеся исключительно добрые дела совершать и собой пожертвовавшие. А – не любили, презирали даже. За то, что мы против Бога и царя пошли. И не было, по их глубочайшему убеждению, греха тяжелее.

Нахлынули на меня острожные воспоминания...

Захотелось рассказать, как невероятно холодно было в пути, везли ведь большую часть дороги в открытых санях. Полушубок звенел от льда, во рту у меня, на лице язвы открылись золотушные. А как привезли в Омск, то выдали нам куртки серо-черные, с желтым тузом на спине, шапки, валенки. Пол такой грязный, слизи на вершок – на ногах бы устоять. Смерд страшный – по нужде вечером уже не выпускают, ушат на входе стоит. И кто-то курит, а кто-то белье стирает, ругань, драки. Даже на нарах не забудешься, в соломенном тюфяке – клопы, блохи. Работа, хоть и тяжелая (алебастр толкли, обжигали), – та еще терпится. Страшнее всего самодурство начальственное, оскорбительное. «Я – ваш Бог, – кричал плац-майор Кривцов, вечно пьяненький, от злости слюна брызжет. – Повелеваю спать всенепременно на правом боку, иначе розги!» Я, когда в острог везли, все думал: вот жизнь настоящую познаю, характеры людские. Что же оказалось? Конечно, и среди осужденных были те, у кого душа к высокому стремится, кто случайно, али волею обстоятельств, или даже по мукам совести наказание приняли. Но незлых или раскаявшихся были единицы. Зато множество прочих, таких, что уже и не до изучения характеров. Спрятаться бы, уйти. А нельзя, некуда...

Копеечку мою злодеи как-то украли. Вели нас однажды с работы, а навстречу мать с девочкой. Девочка вдруг ко мне подошла, гляжу – на ладошке крохотной копейка лежит. И

²⁰ Территорию современного Казахстана в те годы называли Киргизией.

так сердце защемило, и вместе с тем покойно на душе стало. Пуще всего берег я ту копейчку. Да не сберег. А еще...

– Ох, расстроил я вас, Федор Михайлович, – перебил мое повествование Врангель. – И сам расстроился, вас слушая. Кончено все, новая жизнь у вас. И писать будете, позволят!

Я вяло кивнул. Писать хотелось страшно, но что толку писать, когда понятно: ни строчки не напечатают. Чтение – единственная отдушина в тяжелой моей солдатчине. Михаил шлет книги, книги имеются. Чтение да беседы с Александром Егоровичем – вот и все, чем могу я скрасить службу.

– Знаете что, идемте, – решительно заявил Врангель, поднимаясь со скамьи, – идемте скорее к Исаевым, я вас представлю.

Я машинально переспросил:

– К Исаевым?

– Александр Иванович, правда, уже не тот стал. Как потерял место таможенного чиновника, так все чаще в трактир заходит. Зато супруга его, Мария Дмитриевна, очаровательнейшая, я вам скажу, дама. В ней французская кровь, и мила как, образованна!

Я слушал своего друга и вместе с тем отчетливо понимал, что вот теперь, вот в эту самую минуту, вдруг очутился я на пороге чего-то очень важного и значительного. Чего именно, я не знаю, но оно возьмет меня целиком и полностью. И может, принесет покой, а возможно, сильнейшую бурю. Как бы то ни было, я уже не властен ничего поменять в своей судьбе...

...Мария Дмитриевна, Маша... Машенька моя бесценная!

Красоты в ней было столько, что я оторопел, и так неловко сделалось за шинель мою солдатскую. И вместе с тем радостно стало, что могу видеть я такое дивное милейшее существо. Не успел еще налюбоваться ее золотыми кудрями, глазами темнее ночи и легким румянцем, точеными плечиками – а она уже руку для поцелуя подает, улыбается, беседу начинает:

– Приятно-с, очень приятно-с свести знакомство с настоящим писателем.

Нежный тонкий голос, запах духов... Я был так оглушен всем этим, что только в гостиной рассмотрел мужа ее, очень уж раскрасневшегося. Непременно, конечно же, и он в прихожую выходил поприветствовать нас с Александром Егоровичем. Только я как слепой сделался, увидев Марию Дмитриевну.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.